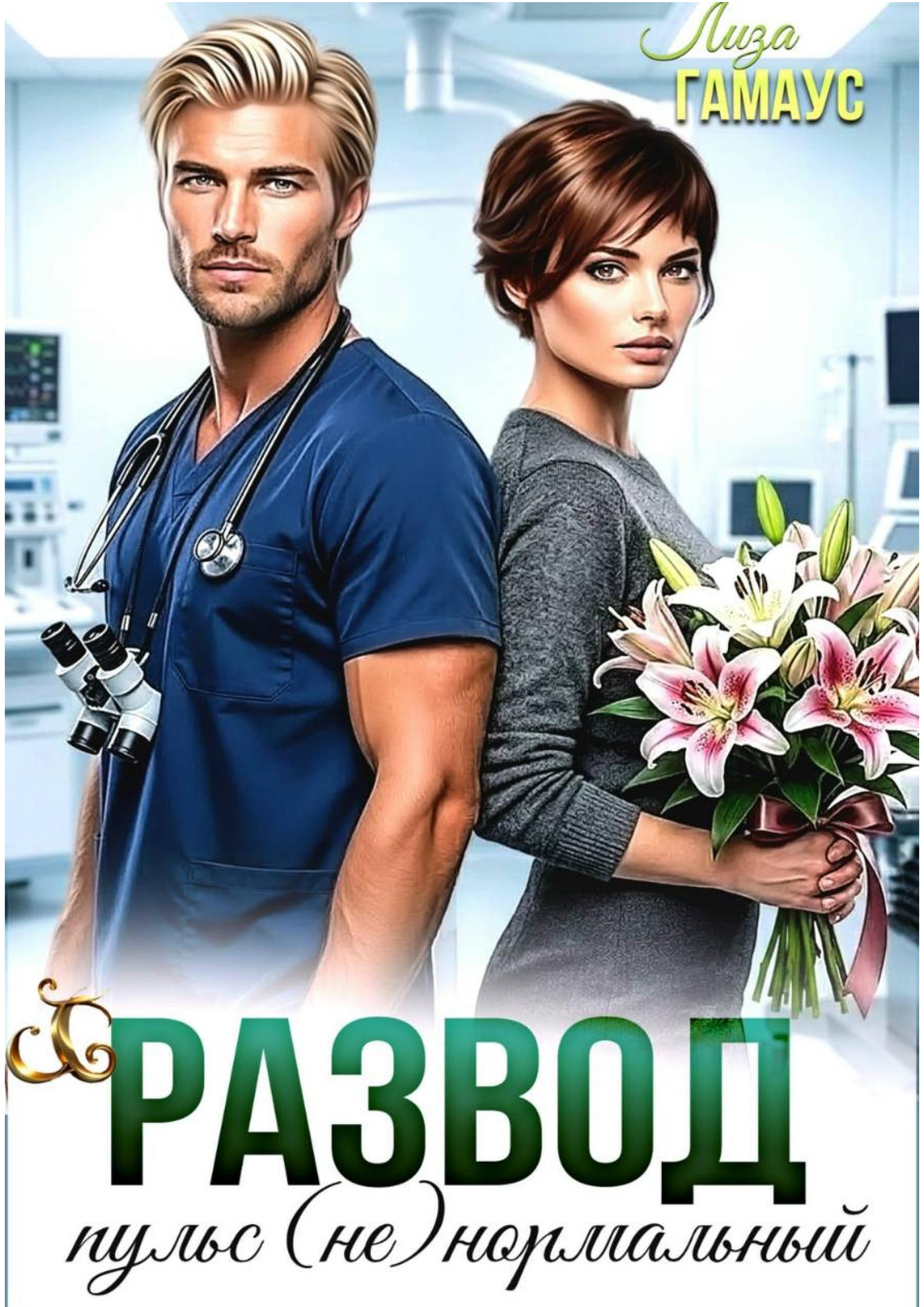

Ли́за
ГАМАУС

РАЗВОД

пульс (не) нормальный

Лиза Гамаус

Развод. Пульс (не)нормальный

«Автор»

2026

Гамаус Л.

Развод. Пульс (не)нормальный / Л. Гамаус — «Автор», 2026

— Есть другие доноры. Я дам тебе контакты. Любые.— Мне нужна именно Наташа, — Вероника наклоняется вперёд, я вижу её грудь и чувствую запах её духов — холодный, металлический, как запах крови. — У неё идеальный HLA-тип. И я не спрашиваю. Я ставлю условия. У тебя две недели, Никита. Она произносит это спокойно, даже лениво. Я сижу и смотрю на неё. На её губы, которые только что вынесли мне приговор. На шею, на ключицы, на блузу, под которой угадывается тело, созданное для того, чтобы сводить мужчин с ума. И во мне что-то ломается. Не разум — нет, разум уже в отключке. Что-то другое. Инстинкт, который отвечает за бегство или нападение. Я выбираю нападение. Я вскакиваю с кресла. Она даже не моргает. Я нависаю над ней, хватаю её за плечи — она не сопротивляется. Я притягиваю её к себе и целую.

Содержание

Глава	5
Флэш-форвард	6
Глава 1. Феникс открывает двери	8
Глава 2. Я сказал нет	11
Глава 3. На работе	13
Глава 4. Портфель	16
Глава 5. Коллекционер	20
Глава 6. Вихрь	24
Глава 7. Вечерняя операция	27
Глава 8. Человек, который видел слишком много	29
Глава 9. Чистка	32
Глава 10. Пёс	34
Глава 11. Через час	36
Глава 12. Сардельки	39
Глава 13. Кукла Ника	42
Глава 14. Редчайший гаплотип	45
Глава 15. Куда?	47
Глава 16. Она знает	49
Глава 17. Тунец	52
Глава 18. Сумка	56
Глава 19. Подруга	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лиза Гамаус
Развод. Пульс (не)нормальный

Глава

РАЗВОД. Пульс (не)нормальный

Флэш-форвард

... Не так-то просто преследовать машину и пытаться, чтобы тебя не заметили, но мне очень надо, и я стараюсь изо всех сил.

Я давно уже догадалась, куда едет известный репродуктолог. «Срочно оперировать» он собрался где-то в районе «Феникса».

Никита мчится к Веронике. К шёлковым простыням под розовым балдахином. У меня уже нет сомнений.

От волнения и раздирающих токсинов ревности, перемешанных со злостью, я чуть не въезжаю в бампер внедорожника, который едет передо мной. Успеваю нажать полу немой ногой на тормоз, и, кажется, ничего не задеваю. Пронесло.

Мне тут же сигналият из машины сзади. А как же! И я теряю репродуктолога из виду. Не вижу! Нет его! Блиин!

Решаю ехать в «Феникс». Девяносто девять процентов — он направляется именно туда. Хорошо, что читала тогда пригласительный билет и помню адрес.

А вот и знакомая, намытая до блеска чёрная машина несётся по левой полосе, сверкая боками. Нашлась. Притормаживаю, чтобы не попасться на глаза в зеркале заднего вида. Репродуктолог едет точно по маршруту.

Вижу здание «Феникса» — четырёхэтажный элитный бизнес-центр. Тёмные стёкла, белые сложные фасады в виде волн. Не Заха Хадид*, конечно, но с претензией, и не маленькой.

Я его толком не разглядела в прошлый раз, этот знаменитый «Феликс», потому что сосредоточена была на оформлении презентации внутри, а сейчас смотрю на здание снаружи и понимаю, что Вероника — это очень серьёзные бабки.

Перед главным входом скульптура, от которой у меня перехватывает дыхание. Две гигантские спирали из полированной нержавеющей стали взмывают вверх, переплетаясь, как двойная спираль ДНК.

Отвожу глаза от скульптуры и решаю припарковаться чуть дальше, чтобы не привлекать внимания.

Сердце взволнованно стучит. Я делаю глубокий вдох и решаюсь выйти из машины.

Иду не к парадному входу, а вдоль здания, туда, где припаркована машина мужа. Чёрный «Мерседес» стоит у служебного входа, как я и предполагала.

Никиты в машине уже нет.

Почему доктор, если, конечно, Никита здесь как доктор, должен заходить с чёрного входа? Не должен.

Ворваться? Позвонить? Или ждать? Выбираю третье. Ждать. И смотреть. Потому что правда всегда выползает наружу. Нужно только не спугнуть.

Устраиваюсь на лавочке за кустами и деревьями.

Знаю, что это безумие. Знаю, что если он меня засечёт, будет скандал. Но мне нужно увидеть его измену своими глазами, чтобы перестать верить и обманывать саму себя. Чтобы сжечь последний мост.

Рассматриваю окна на всех этажах. Бесполезно. Ничего не видно, даже нет никаких теней. На некоторых спущены жалюзи. И всё же, мне кажется, что есть движение на последнем этаже, и горит приглушённый свет.

Проходит час двадцать. Считаю минуты.

Дверь открывается. Я вижу мужа.

Пиджак и галстук он держит в руке. Мятая, не заправленная в брюки рубашка застёгнута на одну пуговицу где-то на животе, волосы взъерошены.

В таком виде доктора не выходят от пациентов. В таком виде мужик выходит от своей любовницы.

Её имя — Вероника Бром.

Никита не смотрит по сторонам, ему не до этого. Он не может меня видеть. Он вообще никого не видит.

Садится в машину и тут же нажимает на газ, как ужаленный. Будто за ним гонится совесть. Но совесть не гонится — она давно сдалась.

Что я чувствую?

Не боль — боль была раньше, когда я только догадывалась. Не обида — обида умерла где-то через полчаса ожидания в этих кустах. Не злость — злость растворилась, когда я увидела его помятую рубашку.

Так что я чувствую?

Смерть когда-то самого близкого человека.

Четыре года я собирала и охраняла наш брак, возводила защитную стену. По кирпичику. Питание, цикл, овуляция, анализы, успехи на работе, порядок, чистые окна, всегда свежее постельное бельё, вкусные ужины, лодочки на шпильках, верность и... ложная надежда.

Он разобрал мою стену за одну ночь. Нет, не за одну. За много ночей. Просто я не хотела видеть.

Теперь вижу.

Теперь — всё.

Возвращаюсь в машину.

Завожу двигатель.

Включается радио. Играет что-то старое, грустное, ненужное. Выключаю. Поеду в тишине.

Глава 1. Феникс открывает двери

Наташа

Вдыхаю запах палёного пластика, озона и дорогого виски.

Где-то за колонной отработывает диджей. Зубы начинают мелко дребезжать в такт. Появляется странное, почти интимное ощущение, что музыка залезла прямо в рот.

— Ну и клоповник, — шепчет Никита, поправляя запонки. Выглядит он, как всегда, с иголки: брендовый костюм, часы за полтора лимона, лёгкая небритость для видимой ослабленности. — Твой мир, Наташ. Я тут чувствую себя дедушкой.

Я поправляю серебристое платье с голой спиной, которое купила вчера за три тысячи рублей в дешёвом маркет-плейсе, и, ничуть не стесняясь своего выбора, оглядываю зал.

Мой муж Никита Стрельцов — успешный врач и бизнесмен в области репродуктивной медицины, его клиника «Сириус» одна из самых лучших в стране.

В принципе, я могу себе позволить любое платье, но в дорогом мне неинтересно, а в этом я чувствую себя героиней фильма, который пытаюсь снять сама.

Продолжаю осматриваться. Стены из состаренного бетона, но вместо граффити — живые светодиодные панели, где светится имитация нейронной сети. По центру висит огромный неон: «FENIX». Буквы пульсируют в такт музыке.

Оформление немного старомодно, но всё ещё смотрится, потому что сделано дорого. Мы так уже не оформляем.

— Тебе сорок лет всего, не ной, — беру с подноса два бокала с чем-то голубым и шипучим. — Это называется «ноотропный шампань». Говорят, от него становишься умнее.

— Я и так умный, — Никита делает глоток и кривится. — Гадость. Пахнет как растворитель в нашей лаборатории.

— Ты просто не в теме. Пойдём, покажу, — тяну мужа в сторону белой стены, где висят работы Макса Мирра.

Картина, перед которой мы останавливаемся, — прозрачная женщина с ребёнком внутри. Ребёнок не выглядит как утробный монстр; наоборот, в животе сияющий малыш прижимает ладошку к стеклу. Подпись под QR-кодом: «Я тебя слышу, мама! Я слышу всё».

— Красиво, — тихо произношу. — Пробирает.

Навожу телефон и слушаю фрагмент подкаста.

— Никит, — поворачиваюсь к мужу, — мы с тобой сколько уже? Четыре года пытаемся?

— Наташ, не сейчас, — он берёт меня за локоть, но я мягко высвобождаюсь.

— А когда? В моём следующем браке?

Муж перестал реагировать на мои шутки примерно тогда, когда я перестала реагировать на его «я люблю тебя».

— Ты говоришь, что у меня «лёгкий гормональный дисбаланс». Я пропила все твои таблетки. Сдала анализы четыре раза. У меня всё в порядке. Я здорова, Никита.

Говорю спокойно, чуть прищурившись. Он не любит, когда я так говорю, обычно он сразу меняет тему.

Никита улыбается, то есть повторяет доведённую до автоматизма улыбку, которой он обезоруживает пациенток. Я её ни с какой другой не спутаю.

— Я готова на многое, — продолжаю. — ЭКО, донора, суррогатную мать. Хоть инкубатор. Я не боюсь, но мне нужен твой ответ. Есть у нас шанс или нет?

— Ты права, дорогая. Анализы у тебя хорошие. Но репродуктивная система — штука сложная. Знаешь, у нас в клинике был случай: женщина пять лет лечилась, а потом выяснилось, что у неё аутоиммунный фактор. Мы его просто не искали. Может, и у тебя что-то такое...

— А может, у тебя? — спрашиваю я прямо, даже немного огрызаюсь.

Он на секунду замирает. Затем смеётся — громко, искренне, как будто услышал лучшую шутку года.

— Наташа, я репродуктолог. Моя спермограмма как у космонавта.

Я не спрашиваю, зачем космонавт сдаёт спермограмму. Я просто киваю. Потому что знаю: он врёт. Не по голосу — по руке. Его левая рука лежит на моей талии, и я чувствую, как подрагивают пальцы. Каждый раз, когда он врёт, левая рука выстукивает дробь. Думает, я не замечаю.

Он целует меня в висок. Поцелуй пахнет виски и ноотропной гадостью. Я принимаю его как данность. Как дождь в июне.

В этот момент свет моргает три раза.

— Дамы и господа, — голос из динамиков принадлежит диджею, — встречайте хозяйку этого храма! Вероника Бром!

Я слышу её раньше, чем вижу. Каблуки цокают по бетонному полу с идеальной частотой — не спеша, с расстановкой, как метроном, задающий ритм всему залу. Публика расступается.

Она выходит из-за колонны, и первая мысль, которая приходит в голову: кукла. Не потому, что у неё неестественное лицо или пластические операции. Нет. Просто в ней слишком много симметрии, слишком много завершенности.

Белое платье с разрезом до середины бедра. Каждый шаг обнажает ногу, которая выглядит так, будто её рисовала нейросеть.

Волосы светлые, длинные, но не рассыпаются — лежат как дорогая ткань. Глаза... я не могу разобрать цвет издали, но чувствую: они смотрят только на нас. На меня. На Никиту.

— Наташа, — Вероника подходит ближе, и я замечаю, что она улыбается, но уголки губ не поднимаются. Улыбка с непонятным подтекстом. — Я вас задалась.

Она знает моё имя? Откуда? Я не помню, чтобы мы были знакомы. Вероника протягивает руку — тонкие пальцы, холодный металл браслета. Ладонь у неё сухая и твёрдая, как у человека, который привык ничего не выпускать.

— Вероника, — представляется она, хотя и так понятно. — Я большой поклонник вашей работы, Наташа. Ваша «Аура» творит чудеса, просто у нас контракт с «Пересом». Одна моя знакомая... впрочем, неважно.

— Спасибо, — говорю я, но в голове уже щёлкает первый звоночек. Откуда у хозяйки биохакерского клуба такие познания в ивент-бизнесе, чтобы знать про наше не очень большое агентство по архитектуре мероприятий? Да ещё и знает моё имя, как будто я какая звезда презентаций.

Она переводит взгляд на Никиту. И тут я замечаю то, что заставит меня потом прокручивать этот момент снова и снова.

Никита меняет лицо.

Я вижу, как его скулы становятся острее, потому что он сжимает челюсть. Как его зрачки расширяются. Страх? Узнавание?

Его рука, которая только что лежала на моей талии, дёргается и уходит в карман брюк. Пальцы сжимаются в кулак. Я вижу его кулак даже сквозь ткань.

— Доктор Стрельцов, — Вероника кивает ему с лёгким наклоном головы. — Наслышана. Ваша клиника «Сириус» делает блестящие вещи.

— Благодарю, — голос Никиты какой-то севший, будто он только что поднялся пешком на десятый этаж. Он прочищает горло. — Приятно, когда работу замечают.

— О, я замечаю всё, — Вероника улыбается теперь шире, и мне становится неуютно. — Кстати, доктор, мне нужна срочная консультация. Есть один вопрос... медицинский, естественно. Я давно хотела с вами проконсультироваться.

Никита бледнеет. Я вижу это отчётливо, несмотря на полумрак клуба. Его лицо становится серым, как бетонные стены. Он открывает рот, но не издаёт ни звука. Секунда. Вторая. Потом он хрипло произносит:

— Конечно. Если вам нужна консультация. Жду вас завтра у себя. В девять.

— Отлично, — Вероника кивает и снова поворачивается ко мне. — Наташа, вы потрясающе выглядите. Платье — огонь. Не обращайте внимания на этих снобов с их брендами. Вкус не купишь.

Что? Она мне уже говорит, что всё знает про меня, или на что-то намекнула?

Вероника Бром уходит так же плавно, как появилась. Цок-цок-цок. И зал снова наполняется музыкой, но для меня она теперь звучит иначе — как тревожный сигнал.

Я смотрю на Никиту. Он вытирает лоб платком. На виске пульсирует вена.

— Никит, — говорю я тихо, почти шёпотом. — Ты её знаешь?

— Нет, — отвечает он слишком быстро. — То есть... она пациентка. Была. Один раз. Давно.

Похоже, врёт.

— И что ей нужно в девять утра?

— Не знаю, — он отводит взгляд. — Консультация. Наташ, давай уйдём? Мне что-то нехорошо.

Мы выходим на улицу, и я вдыхаю ночной летний воздух Москвы. Пахнет бензином, пылью и цветами с клумб.

— Поехали домой, — Никита берёт меня за руку.

Его ладонь ледяная.

Глава 2. Я сказал нет

Наташа

Возвращаемся из «Феникса» около часа ночи.

Голубое ноотропное шампанское всё ещё шипит в голове. Оно не было таким уж безобидным, как могло показаться.

Картина с прозрачной беременной женщиной стоит перед глазами. Стекланный живот. Ребёнок внутри. Он слышит всё. Даже то, что мать перестаёт верить в любовь.

Я скидываю туфли в прихожей и прохожу на кухню заварить ромашку. Папа приучил с детства. «Ромашка не решит твоих проблем, но создаст иллюзию, что они решаемы», — вспоминаю его слова.

Никита заходит следом, молча садится на стул, расстёгивает одну запонку и сразу сдвигает рукав рубашки до локтя. Пиджак бросил где-то по ходу.

— Хорошая была вечеринка, — говорит он, чтобы что-то сказать.

Мне кажется, он какой-то заискивающий, угождающий. Идея сходить на эту вечеринку была моя, и он как бы подтверждает, что я правильно сделала, что приняла приглашение и потащила его с собой. На самом деле, меня шеф попросил сходить к конкурентам по оформлению.

На Никиту это непохоже — такое полное согласие. Он всегда придирается. Особенно ко мне, а тут расплылся.

— Никит, — я поворачиваюсь к нему. Стою у столешницы и вожусь с заварочным чайником. — Я хочу, чтобы ты прошёл полную диагностику.

Я колеблюсь: поднимать опять этот разговор на ночь глядя или нет? Но вот это его решение «отложить на год» не даёт покоя. Как будто речь идёт о поездке на море. Мало ли что может случиться за год.

Он замирает. Рука застывает над второй запонкой.

— Что, прости?

— Ты слышал. Я не шучу. Четыре года мы пытаемся завести ребёнка. Я здорова. Ты говоришь, что у тебя всё в порядке. Но я вижу только те твои анализы, которые ты мне показываешь. А ты показываешь мне не все. Я хочу настоящую диагностику. Сперму, гормоны, генетику. Всё. Я хочу её видеть.

— Наташ, ты серьёзно? — он поднимает голову, в глазах холод. — Мы уже обсуждали это. Я репродуктолог, я прекрасно знаю свою репродуктивную систему.

— Тогда почему ничего не получается?

— Потому что, может быть, проблема не в нас, а в стрессе? В твоей бесконечной работе? В том, что ты ночами сидишь над своими проектами?

— Не переводи стрелки, — мой голос становится тише, но твёрже. — Я говорю о тебе. Диагностика не такой уж великий труд и подвиг. Сдай анализы в хорошей частной компании. Они дадут стопроцентный результат.

— Ах, вот оно что, — Никита встаёт. — Ты мне не доверяешь? Ты думаешь, я вру? После всего, что мы прошли?

— Я не говорю, что ты врешь. Я говорю, что ты можешь ошибаться.

Мне это совсем не нравится, и разговор у нас нервный и чреватый неизвестно чем.

— Я врач, Наташа. И не просто врач, а лучший репродуктолог в этом городе. — Никита нервничает.

— Ты о чём? Ты боишься проходить диагностику. Почему?

Нет ничего лучше прямого вопроса. Он начинает шагать по кухне. Потом резко останавливается.

— Знаешь что? Мне надоело. Ты постоянно лезешь в мою работу, в моё тело. А я молчу про твоего Игоря Шуйского.

Неожиданно. Может, голубое шампанское так сработало?

— Шуйский? Мой шеф? А он-то здесь при чём?

— При том, что он вечно крутится вокруг тебя. Эти его «Наташа, вы гений», «Наташа, давайте вечером обсудим проект». Ты думаешь, я не вижу, как он на тебя смотрит?

— Никита, Шуйскому сорок семь лет, он счастливо женат, у него двое детей. И он мой начальник, а не ухажёр. Ты несёшь чушь.

— Я безумно устал. Что за глупости! Нет. Я не пойду ни на какую диагностику. Мне некогда пообедать, а я буду тратить время на каких-то там диагностов неизвестно где, когда у самого всё под рукой. Точка.

Я долго смотрю на него молча. Само так получается. Я в недоумении и никак не могу переварить, куда он клонит. Он точно выкручивается. Я вздыхаю и наконец говорю:

— Ты только что придумал причину. И очень плохую. Тебе не нравится Игорь Шуйский? Он тебе никогда не нравился. Я помню, как ты его ещё на свадьбе передразнивал. Но ты никогда не говорил, что он за мной ухаживает. Это бред. Что ты скрываешь, Никита?

Опять прямой вопрос. Он отворачивается к окну. В отражении его каменное лицо.

— Я ничего не скрываю.

— Тогда докажи. Сдай анализы.

— Я сказал нет, — он поворачивается и идёт к выходу из кухни. — Пошли спать.

Он выходит.

Я остаюсь одна.

Смотрю на остывающую ромашку. Внутри разрастается что-то тяжёлое. Не обида. Обида — это когда тебе больно. А это холод. Это знание, которое ещё не оформилось в слова, но уже пульсирует где-то в груди.

Он боится.

Я прокручиваю вечер заново. «Хеликс». Белое платье. Улыбка Вероники. Она смотрела на Никиту так, будто знала что-то, чего не знаю я. Как он побледнел. Как его рука дёрнулась.

Кто она? Почему знает моё имя? Откуда ей известно, где я работаю? Почему назначила консультацию при мне? Могла бы просто позвонить.

Почему он согласился так быстро? Не спросил, зачем. Не спросил, о чём. Обычно он сначала выставляет свои понты великого репродуктолога: что у него нет свободного места, только запись, что ему надо лететь на международный конгресс в Китай или Францию. Никакого конгресса, конечно, нет.

Я вспоминаю, как он вытирал лоб платком. На вечеринке было не жарко. Нервничал и подчинялся.

— Он точно мне морочит голову, — говорю я вслух.

Иду в спальню. Никита уже лёг, отвернулся к стене. Свет выключен. Я ложусь рядом. Смотрю в потолок.

Закрываю глаза. Засыпаю не сразу.

Просыпаюсь в три часа ночи от того, что Никита что-то бормочет во сне. Не разобрать слов. Но интонация знакомая — та, которой он говорит с пациентками, когда хочет, чтобы они расслабились.

С кем ты сейчас, Никита?

Я не спрашиваю. Я просто лежу и жду утра.

Утро всегда приносит ответы. Правда в том, что эти ответы почти никогда не нравятся.

Глава 3. На работе

Наташа

Утром я приезжаю в «Ауру» за час до планового созвона. Пью горячий кофе, но внутри всё равно зябко. Это летом-то. Ночной разговор с Никитой оставил осадок, как ржавчина на белой эмали. А Вероника Бром застряла в голове занозой.

Никита утром выглядел задумчивым, но старался виду не подавать. Почти ничего не ел на завтрак. Поковырял вилкой салат, отломил кусочек брынзы и запил кофе. Нервничал. Я не стала его тормозить. Пока. Вечером спрошу, что хотела от него Вероника Бром.

Шуйский появляется в дверях моего кабинета без стука — он всегда так делает. Игорь Алексеевич выглядит как типичный креативный директор: мятый льняной пиджак, короткая бородка с проседью, очки без оправы. И пахнет от него мятой и табаком.

— Наташ, ты вчера на презентации в «Фениксе» была? — он плюхается в кресло напротив. — Ну и как? Конкуренты нас делают или ещё нет?

Я рассказываю про презентацию. Про живые светодиодные панели, про диджея с нейро-интерфейсом, про выставку Макса Мирра. Про картину с беременной женщиной — про неё Шуйский слушает особенно внимательно, даже морщится.

— Мощно работают, — вздыхает он. — Макс Мирр выставляется в Европе, в Азии. У них бюджет на инсталляции, как у нас на год вперёд. Кстати, кто хозяйка? Говорят, молодая барышня.

— Вероника Бром, — я смотрю на него в упор. — Ты знаешь кто это? Мне надо поподробнее.

Шуйский вдруг перестаёт вертеть ручку. Кладёт её на стол, снимает очки, достаёт специальную тряпочку в прозрачном футлярике и протирает стёкла.

— Вероника Бром, — повторяет он медленно. — Слушай, Наташ... не лезла бы ты в это.

— Что значит «не лезла»?

— А то и значит. Забудь про неё. Тёмная личность.

Я чувствую, как внутри поднимается раздражение. И страх — непонятно откуда.

— Игорь, объясни нормально. Мы вчера с ней разговаривали. Она знает моё имя. Знает, где я работаю. И моего мужа она тоже знает. И он как-то странно на неё отреагировал. Он весь разволновался. А Никита не из пугливых. Он уверенный в себе мужик. Я не могу просто «забыть».

Шуйский вздыхает. Смотрит в окно. Молчит так долго, что я успеваю допить остывший кофе.

— Ладно, — наконец говорит он. — Но ты этого не слышала. Вероника — дочь профессора Брома. Фамилия тебе о чём-то говорит?

Я мотаю головой.

— Профессор Аркадий Бром. Биолог-гений. В девяностые и двухтысячные гремел на весь мир. Он первым в стране начал эксперименты со стволовыми клетками, потом перешёл на редактирование генома. Но официальная наука его быстро задвинула, потому что Бром работал... как бы это сказать... вне протоколов. Грубо говоря, ставил опыты на людях, которые не могли дать согласие. Бездомные, нелегалы, люди, которые исчезали без следа.

— Ужас, — шепчу я.

— Погоди, это не самое страшное. Он создал подпольную лабораторию, выращивал эмбрионы с заданными свойствами. Поговаривают, что он модифицировал геном собственной дочери ещё до её рождения. Но это не проверено. Это может быть просто сплетней и домыслом.

А проверено другое: Бром был замешан в смерти как минимум трёх человек, которые пытались его шантажировать или уйти из команды. Официально его обвинили в создании преступного сообщества и организации убийств. Дали большой срок.

— И он сидит?

— Сидел. Год назад его убили в тюрьме. Кто — неизвестно. Может, конкуренты. Может, свои же. А Вероника унаследовала всё. И деньги, и лаборатории, и связи. Официально она биолог, но бизнес у неё... разный.

Шуйский понижает голос.

— «Феникс» — это только фасад. Основные доходы идут через сеть криохранилищ. Она замораживает стволовые клетки, генетический материал, эмбрионы — для очень богатых клиентов, которые хотят «детей на заказ». Плюс у неё доля в нескольких фармацевтических стартапах. И ещё... ходят слухи, что она продаёт генетические данные на чёрном рынке. Но доказательств нет. Она умная, осторожная и очень опасная.

Я слушаю и понимаю: всё это время я жила в другом мире. В мире света, звука, красивых инсталляций. А Никита — он каждый день имел дело с этой средой. Знал ли он, к кому мы пошли на вечеринку? Знал ли он про Веронику раньше? Наверняка.

Никита любит делать из меня девочку-несмышлёныша. Художницу, блин, творческую откаченку. И ещё он постоянно мне врёт. Я это давно заметила. Не в быту. А в серьёзных делах. В быту он паинька, и счёт за химчистку его никогда не интересовал.

— Мне нужно узнать о ней больше, — говорю я твёрдо. — Игорь, у тебя есть кто-нибудь, кто мог бы с ней пересекаться по работе? Кто знает её не как «тёмную личность», а изнутри?

Шуйский кривится. Крутит ручку. Опять надевает очки.

— Наташ, зачем тебе это? Ты же ивентами занимаешься, а не детективными расследованиями.

— Она сказала, что знает мою работу. Это ложь? Или правда? И почему мой муж так на неё отреагировал? Я должна понять. Сам он мне ни хрена не скажет. Он побледнел, вспотел, чуть ли не голос потерял за те несколько минут, что она с нами беседовала.

— С чего бы? Никита же крепкий мужик, — удивляется Шуйский.

— Мало этого. Она ещё и на приём к нему записалась.

Он долго смотрит на меня, теребит подбородок.

— Сейчас приду, — с этими словами он выходит из кабинета и появляется через пару минут с потрёпанным блокнотом. Берёт с моего стола лист бумаги и что-то пишет.

— Евгений Швецов. Был аспирантом у Брома, потом работал в его лаборатории. После ареста профессора Швецов пропал с радаров. Живёт где-то в Подмоскowie, ни с кем не общается. Если кто и знает про Веронику правду, то он.

Я тянусь за бумажкой, но Шуйский не отпускает её из рук.

— Условие, — говорит он жёстко. — Ты связываешься с ним сама. Без меня. И ни за что не упоминаешь, что я дал тебе контакт. Придумай легенду. Скажи, что ты журналистка, пишущая про биохакинг. Или блогерка. В общем, как хочешь, но меня нет. И если он тебя пошлёт — ты уходишь и забываешь про всё. Договорились?

— Договорились.

Я забираю бумажку. На ней аккуратным почерком выведено: *«Швецов Евгений Викторович, пос. Новая Слобода, ул. Центральная, 24. Телефон.».

— Игорь, — спрашиваю я, пряча листок в карман. — А почему он не общается?

— Потому что видел то, что не должен был видеть. И теперь боится, что его убьют. Как профессора Брома. Или как тех троих свидетелей.

Он встаёт, одёргивает пиджак.

— Будь осторожна, Наташ. Очень осторожна. Вероника Бром — не та, с кем можно играть в кошки-мышки. Если она узнает, что ты копаешь под неё... я бы не хотел оказаться на твоём месте. Даже не знаю, правильно ли я сделал, что дал тебе этот контакт. Чёрт его знает...

— Всё правильно ты сделал, спасибо тебе большое. Там точно что-то есть между ними.

— Твоим мужем и Вероникой этой?

Я киваю.

— Только бы он не вляпался в какую-нибудь её схему. Или там личное?

— Да не знаю я.

— Ладно, ты только не фантазируй. Я — работать, и тебе советую.

Шуйский выходит. Я остаюсь одна.

Долго смотрю на листок. Вздыхаю. Открываю ноутбук и начинаю гуглить «Новая Слобода, Центральная, 24».

На картах — частный дом, глухой забор, вокруг лес. И больше ничего. Никаких отзывов, никаких упоминаний.

— Евгений Швецов, — шепчу я. — Поговорим.

Пальцы дрожат, когда я набираю номер. Но я сбрасываю до первого гудка. Не так. Всё надо обдумать.

Я закрываю глаза и вижу перед собой улыбку Вероники. Холодную, как запотевший бокал ноотропного шампанского.

Эта улыбка не даст мне покоя, пока я не узнаю правду.

Глава 4. Портфель

Никита

Паркуюсь у клиники, на часах без пятнадцати девять. Утро серое, московское, с мелким дождём, который раздражает больше, чем ливень. Особенно летом, когда ждёшь хотя бы погоды хорошей, не говоря об остальном.

Глушу двигатель и несколько минут просто сижу в машине, смотрю на стеклянные двери. Внутри уже зажгли свет, медсёстры пьют кофе на посту, администратор раскладывает карточки. Обычный день. Но меня колотит.

Вчерашняя вечеринка всё ещё стоит перед глазами. Нет, не диджей с нейроинтерфейсом и не эти уродские светодиодные панели. Вероника. Белое платье, разрез до бедра, глаза, которые раздевают не тело, а душу. И улыбка. Улыбка, от которой у меня похолодели пальцы и пересохло во рту. Наташа ничего не заметила? Заметила. Но не поняла. Слава богу, не поняла.

Я выхожу из машины, и бегу в своём светлом костюме, как можно быстрее, стараясь не вляпаться в лужу. Захожу в клинику, киваю охране, поднимаюсь на третий этаж, в свой кабинет. Закрываю дверь на ключ.

Сейчас без пяти девять.

Сажусь в кресло, смотрю в окно. Мысли несутся, как поезд без тормозов.

Что ей от меня надо? Дочь профессора Брома — это же не просто «биохакерша». Это кровь и бетон. Я читал про её отца.

Аркадий Бром. Гений, которого посадили в две тысячи восемнадцатом. Организация убийств. Смерть трёх человек — двух сотрудников и одного подопытного, который пытался сбежать. А сколько ещё пропало без вести?

Говорят, он ставил опыты на бездомных. Замораживал их, резал, пересаживал органы. В его лабораториях стволовые клетки текли рекой. И никто не знал правды.

А теперь его дочь — хозяйка «Хеликса», криохранилищ, фармацевтических стартапов. Она унаследовала не только деньги, но и связи. И знания. И, наверное, методы.

Я вытираю пот со лба. В кабинете кондиционер работает на полную, а мне жарко.

Зачем я ей? Зачем ей репродуктолог? У неё есть свои лаборатории, свои биологи. Может, она хочет наладить канал поставки эмбрионов? Или яйцеклеток? Она не может прийти за мелочью.

— Никита Леонидович, — слышу я голос секретаря, — к вам посетительница. Вероника Бром.

Я встаю. Поправляю галстук. Глубоко вдыхаю.

— Пусть войдёт.

Дверь открывается, и она входит.

Я застываю. Я ничего не могу с собой поделать. Я никогда не видел такого женского совершенства вживую.

Она стоит передо мной молча секунду, две, три. Узкая юбка до колена, стройные точёные ноги, обутые в бежевые шпильки, какая-то полупрозрачная блуза с воланами, или как там они называются, не суть, голая шея, ключицы, распущенные светло русые волосы, зелёные глаза. Такое впечатление, что я вижу, по сути, только эти глаза, и пару. Она пугающе прекрасна.

В правой руке тонкий кожаный портфель.

Я же не железный. Я не ждал такого представления. Единственное, о чём я способен думать, это как я сниму эту блузу и вопьюсь в неё. Помешательство.

— Здравствуйте, Никита, — она произносит моё имя без отчества, как будто мы знакомы сто лет. Садится на стул для пациентов — не на тот, что напротив стола, а сбоку, почти вплотную ко мне. Кладёт ногу на ногу.

— Вероника, — киваю я. Голос не дрожит — спасибо многолетней практике врать пациентам. — Чем обязан?

Она улыбается. И в этой улыбке нет тепла. Вообще. Это улыбка Снежной Королевы.

— Слушаю вас, Вероника, — произношу я с огромным трудом, потому что еле дышу.

— Проблема в том, доктор, — она подаётся вперёд, — что я хочу ребёнка. Очень хочу. Но у меня... были неудачные попытки. Я готова на всё.

Вздыхаю, сочувственно, как и положено врачу.

— ЭКО — штука непростая. Нужно много анализов, время, деньги... — начинаю я.

— Деньги не проблема, — Снежная Королева кладёт на стол визитку с названием трастового фонда. — Я оплачу всё. И вашу работу тоже. Плюс бонус — миллион рублей лично вам, если вы поможете мне с программой «особо чуткого» ЭКО.

— Что значит «особо чуткого»? — я хмурюсь, пытаюсь понять, что она имеет в виду.

— Того, которое не требует лицензии, — она улыбается. Мне сверкнули на пару секунд идеальные жемчужные зубы. — Мы же оба знаем, доктор, что официальная медицина не даёт гарантий. А я хочу гарантий. И знаю, что вы можете их дать. У вас есть связи. И есть то, что мне нужно. Вернее, не у вас, а у вашей жены.

Она говорит спокойно, как будто обсуждает меню в ресторане, немного с интересом.

Встаю. Чувствую, что надо прекращать, потому что ничего хорошего этот визит мне не предвещает, причём, во всех смыслах. Разум начинает потихоньку выходить из коматоза.

— Что? Что вы сказали, Вероника? Это неприемлемо!

— Не спешите, — она щёлкает пальцами, а я слышу аудио из её телефона: мой разговор с бывшей медсестрой о том, как я «терял» эмбрионы пациенток. Было такое. — Если вы выгоните меня, эта запись уйдёт в полицию. И ваша клиника закроется за месяц. Но если вы меня выслушаете... я дам вам то, чего вы хотите больше всего.

— И чего же я хочу? — сажусь обратно, голос сразу становится хриплым.

С этой медсестрой я изменял Наташе года два. Кристина Григорьева. Она мечтала от меня забеременеть, меркантильная мартышка, старалась изо всех сил, потом поняла, в чём дело, и попросила отступных. Внаглую, шантажом. Я её уволил с волчьим билетом и пригрозил, что если откроет про меня рот, сделаю её инвалидом. Пригрозил жёстко, примитивно, доходчиво.

— Не будем ходить вокруг да около, — она достаёт из портфеля тонкую папку и кладёт на мой стол. — Я знаю про вашу AZFc-делецию. Знаю, что вы не можете иметь детей. Знаю, что вы врётё жене уже четыре года. Болезнь, которую вы скрываете даже от своих врачей. Анализы в этой папке.

Я не открываю папку. Смотрю на неё. Момент, когда хочется провалиться в другое измерение, куда угодно, в джунгли к каннибалам.

— Что вам конкретно надо?

— Мне нужны яйцеклетки вашей жены. Наташи. Пять-шесть зрелых ооцитов. Вы возьмёте их под видом планового чекапа — скажете, что проверяете овариальный резерв. Не мне вас учить. Она вам верит, Никита. Слепо. вы даже не представляете, как это удобно.

— Зачем вам яйцеклетки Наташи?

— Это не ваше дело. Но чтобы вы спали спокойно — не для себя. У меня есть клиентка, которой нужен генетический материал с определёнными параметрами. Интеллект, внешность, здоровье. Ваша жена — идеальный донор. Я заплачу. Сто миллионов.

Она произносит эту цифру так, будто речь идёт о чаевых.

— Нет, — говорю я. — Это безумие. Это преступление. Наташа никогда не согласится.

— А ты не спрашивай. Ты просто сделай забор во время её визита к тебе в клинику. Она придёт, потому что ты скажешь, что это важно для вашего ЭКО. Ты же хочешь ребёнка,

Никита? Или ты хочешь, чтобы Наташа узнала про твою делецию? – В разговоре Вероника резко переходит на «ты». Я знаю почему – она уже укусила и пустила яд. Жертва не убежит.

Она щёлкает застёжкой папки. Я вижу первый лист — мои анализы спермограммы, подписанные моим же почерком. Там, где написано «азооспермия». И ниже — генетический тест: «AZFc-микроделеция».

— Если я отправлю это Наташе, — Вероника говорит спокойно, почти ласково, — она подаст на развод. Ты потеряешь её, клинику, репутацию. Ты станешь посмешищем в профессиональном сообществе — репродуктолог, который сам не может зачать. Муж, который обманывает жену. Ты этого хочешь?

Я молчу. Мои руки лежат на столе, и я вижу, как они дрожат.

— Есть другие доноры. Я дам тебе контакты. Любые, — я тоже с ней на «ты». Тварь!

— Мне нужна именно Наташа, — Вероника наклоняется вперёд, я вижу её грудь и чувствую запах её духов — холодный, металлический, как запах крови. — У неё идеальный HLA-тип. И я не спрашиваю. Я ставлю условия. У тебя две недели, Никита.

Она произносит это спокойно, даже лениво, и смотрит на меня своими зелёными глазами — без страха, без сомнения, без жалости.

Я сижу и смотрю на неё. На её губы, которые только что вынесли мне приговор. На шею, на ключицы, на блузу, под которой угадывается тело, созданное для того, чтобы сводить мужчин с ума. И во мне что-то ломается. Не разум — нет, разум уже в отключке. Что-то другое. Инстинкт, который отвечает за бегство или нападение. Я выбираю нападение.

Я вскакиваю с кресла. Она даже не моргает. Я нависаю над ней, хватаю её за плечи — она не сопротивляется. Я притягиваю её к себе и целую.

В поцелуе нет нежности. Ни капли. Это поцелуй обречённого, который хватается за последнюю соломинку. Это ярость, смешанная со страхом, и ещё что-то низменное, животное, что кричит: если ты меня убиваешь, то хотя бы раз в жизни я возьму своё.

Её губы холодные. Но она отвечает. Не отталкивает, не бьёт по лицу. Отвечает — спокойно, расчётливо, как будто изучает меня. Её язык скользит по моим губам, и я чувствую привкус корицы и власти. Она целует меня так, чтобы я запомнил: я здесь не главный.

Я отрываюсь от неё, тяжело дыша. В паху горит. Я смотрю на неё — её макияж не смазался, волосы не растрепались, только глаза стали чуть темнее. И улыбка. Та же самая улыбка Снежной Королевы.

— Никита, — говорит она тихо, почти шёпотом. — Ты смелый. У тебя всё получится.

Я прижимаю её к стене. Одна рука на её талии, другая — на затылке. Я шепчу ей прямо в губы:

— Скажи, куда и когда. Я приду.

Она не отворачивается. Её пальцы легко касаются моего подбородка, отстраняют меня на миллиметр.

— Вечером, — говорит она. — В моём офисе. Часов в девять.

— Где твой офис?

— «Феникс». Последний этаж. Скажешь охране, что ты ко мне. Тебя пропустят.

Она высвобождается из моих рук — одним плавным движением, как будто меня и не было. Поправляет блузу, хотя она и не сбилась. Берёт свой портфель.

— Не опаздывай, Никита. Я не люблю ждать.

Она идёт к двери. Я смотрю на её ноги, на покачивание бёдер, на то, как туфли на шпильках вдавливаются в ковролин.

Она останавливается на пороге. Оборачивается.

— И да, — улыбается. — Ты симпатяга. Жаль, что это ничего не меняет.

Дверь закрывается. Я остаюсь один.

Я сажусь обратно в кресло. Встаю. Иду к окну. Смотрю на серое небо, на дождь, который всё идёт и идёт. Потом перевожу взгляд на своё отражение в стекле. Мужчина в дорогом костюме, с идеальной укладкой и дрожащими руками. Предатель. Трус. Животное.

Я думаю о Наташе. О том, как она смотрит на меня доверчивыми глазами. О том, как заваривает ромашку по ночам. О том, как сказала вчера: если ты меня обманываешь...

Я думаю о Веронике. О её губах, о её голосе, о том, как она меня уничтожила за пятнадцать минут. И как я только что сам себя уничтожил окончательно, потому что поцеловал её не из страсти даже — из слабости.

Я достаю телефон. Пишу Наташе: «Сегодня задержусь, будет сложная операция. Не жди».

Она отвечает через минуту: «Хорошо, люблю тебя».

Глава 5. Коллекционер

Наташа

Шуйский не хочет мне помогать. Я сижу в его кабинете второй час, пью уже третий кофе, а он всё мнётся.

— Наташ, ты не понимаешь. Швецов — параноик. Он любую незнакомую активность воспринимает как угрозу. Если он заподозрит, что я дал тебе контакт, он меня просто похоронит. Не в прямом смысле, но для меня его доверие дороже.

— Игорь, этот тип живёт в лесу, ни с кем не общается, забор трёхметровый. Как ты с ним вообще держишь связь?

— Я не держу. Мы пересекались два раза за последние два года. Он сам вышел на меня, когда ему понадобилось организовать закрытый показ одной... специфической коллекции. И то, в итоге, потом отказался.

Я настораживаюсь.

— Коллекции? Он что, собирает что-то?

Шуйский молчит. Крутит ручку. Потом вздыхает:

— За что только Стрельцова я тебе такие вещи рассказываю? Ох... — вздыхает Шуйский.

— Да ты вспомни, сколько раз я тебя выручала и сколько клиентов привела. За это и рассказываешь. Я же не одуванчик. Мы с тобой почти пять лет уже работаем.

На самом деле никто с шефом на «ты» не общается, кроме меня. Моя привилегия. К тому же, я всегда держу дистанцию и никаких сексуальных поползновений себе не позволяю, поэтому он чувствует себя со мной свободно и не напрягается. А Шуйский, к слову, очень состоятельный мужик и с огромными связями.

— Слушай, если я тебе скажу, ты должна будешь использовать это очень аккуратно. Он моментально раскусит, если переборщить. Но без крючка ты к нему вообще не подойдёшь.

— Так дай крючок.

Он открывает ноутбук, что-то долго ищет, потом читает мне шёпотом, как заговорщик:

— У Швецова три страсти. Первая — старые медицинские инструменты XIX века. Особенно те, которые использовались для первых опытов по пересадке. Он за ними охотится по всей Европе. Вторая — редкие издания по евгенике и генетике, до 1945 года. Третья — винил. Джаз. Коллекционирует пластинки 50-60-х, только оригинальные прессы.

Я задумываюсь. Медицина и евгеника — слишком опасно, он сразу поймёт, что кто-то из его прошлого меня подослал. Джаз — нейтральная территория. Я не эксперт, но могу быстро подтянуть матчасть. У меня есть друг-звукорежиссёр Паша Круглов, который тащится от винила. За час он меня научит базе.

— Джаз, — говорю я. — Я позвоню ему как коллекционер. Скажу, что мне предложили купить редкую пластинку, но я сомневаюсь в подлинности. Мне нужна консультация эксперта. Шуйский, ты можешь хотя бы подтвердить, что он действительно разбирается?

— Он эксперт уровня «лучше не бывает». Но Наташ... если он узнает, что ты врунья, ты потеряешь его навсегда.

Я не отвечаю. Я уже набираю Пашин номер.

Шуйский отпускает меня пораньше, чтобы я встретилась с Кругловым. Хорошо ещё, что он в Москве, и его офис недалеко. Пока везёт.

Сообщение. Никита.

«Сегодня задержусь, будет сложная операция. Не жди».

Что-то меня царапает в этом сообщении. Сложная операция обычно планируется на первую половину дня.

Сажусь в машину и еду к Паше. Когда-то мы с ним оформляли международную выставку современного искусства, там было много звуковых эффектов, пения птиц и так далее. Пока готовили — сблизились, и иногда пересекались потом по работе.

Встреча с Пашей занимает не более получаса. Он быстро отвечает на мои вопросы, скидывает несколько ссылок, чтобы я ознакомилась с материалом, и мы расстаёмся. Всё по-деловому, быстро и без лишних разговоров. Человек, который занят и который ценит каждую минуту.

Время есть. На часах всего без пятнадцати семь. Рука сама берёт телефон. Была не была. Голос в трубке глухой, недовольный, как у человека, которого оторвали от важного дела.

— Швецов.

— Евгений Викторович, меня зовут Наталья. Я коллекционирую джазовый винил. Мне дали ваш контакт как эксперта по редким прессам. Вы могли бы мне помочь?

Пауза. Долгая. Я слышу, как он дышит.

— Кто дал?

Я готова к этому вопросу.

— Общий знакомый. Он попросил не называть имени, сказал, что вы не любите лишней огласки.

— Это правда. Чего вы хотите?

— У меня есть пластинка, — я начинаю блефовать чисто, без дрожи. Благо опыт презентаций клиентам в «Ауре» приучил врать с выражением лица. Всё, кто в бизнесе, всегда учатся правильному общению с клиентами, — Я купила её на закрытом аукционе. Пресс Blue Note 1568, первая партия, 1957 год. Но я сомневаюсь в подлинности. Мне нужен взгляд профессионала.

Он молчит так долго, что я думаю — бросил трубку.

— Blue Note 1568, — повторяет он. — Это же запись Sonny Rollins, кажется.

— Именно, — я выдыхаю. — «Way Out West». Совпадает.

— Откуда у вас такая редкость?

— Евгений Викторович., на самом деле я получила её в наследство от дяди, но он не оставил никаких документов. Я работаю в креативной индустрии, в музыке и дизайне, и для меня важно не вложить деньги в подделку.

— В креативной индустрии, — он усмехается. — Ладно. Приезжайте. Только без камер и диктофонов.

— Спасибо. Когда и где?

— Завтра, в три. Кафе «Винил» на Пятницкой. Знаете?

— Найду.

Он бросает трубку. Я смотрю на телефон и чувствую, как стучит сердце. Я только что солгала человеку, который работал с Бромом в практически криминальной среде. И я иду к нему с пустыми руками. Никакой пластинки у меня нет. Никакого дяди. Только вопрос. И страх.

Но у меня нет выбора. С мужем творится что-то неладное. И это почти на сто процентов связано с какими-то делами с Вероникой. Он не смог вчера скрыть своё ненормальное взволнованное состояние. Что-то между ними есть. Я должна понять, что их связывает.

Еду и думаю: а не заехать ли мне к нему в клинику? Я, кстати, давно там не была. Поворачиваю на Садовое и благополучно застреваю в пробке. Впереди какая-то авария, хода назад нет — надо ждать, когда откроют движение.

Угораздило.

Ну, что ж, почитаю пока про винил.

Минут через двадцать движение возобновляется, но ехать ещё прилично. Я подъезжаю к стоянке «Сириуса» только через сорок минут.

Думаю, позвонить Никите, что приехала, или пойти без звонка? Решаю позвонить, но не успеваю и от неожиданности открываю рот. Вижу, как его машина выезжает с территории паркинга. Куда это он? У него же операция!

Меня он не видит, я стою в стороне. Мне ничего не остаётся, как поехать за ним.

Может, ему позвонить и спросить, куда он направился? Но таким образом я просто его спугну, и это ничего не поменяет, если есть, о чём беспокоиться.

Не так-то просто преследовать машину и пытаться, чтобы тебя не заметили, но мне очень надо, я очень стараюсь. Довольно скоро приходит догадка, куда едет известный репродуктолог. Оперировать он собрался где-то в районе «Феникса».

Никита едет к Веронике. У меня нет сомнений. Я начинаю волноваться и чуть не въезжаю во внедорожник впереди, торможу, но, кажется, ничего не задеваю. Пронесло. Мне сигналият из машины, я стараюсь сохранять спокойствие, только вот теряю репродуктолога из виду. Не вижу. Нет его. Блииин!

Что делать?

Решаю ехать в «Феникс». Девяносто девять процентов — он едет именно туда. Хорошо, что читала приглашенный билет и помню адрес, который вбиваю в телефон. Ещё двадцать минут до пункта назначения. Спокойно. Тем не менее жму на газ.

А вот и знакомая чёрная машина едет по левой полосе. Притормаживаю, чтобы не попасться на глаза в зеркале заднего вида. Репродуктолог едет точно по маршруту, навигатор же у всех один и тот же.

Вижу здание «Феникса» — четырёхэтажный элитный бизнес-центр, непохожий на стандартные бизнес-центры последних лет. Тёмные стёкла, белые сложные фасады в виде волн. Не Заха Хадид*, конечно, но с претензией, и не маленькой.

Я его толком не разглядела в прошлый раз, этот знаменитый «Феникс», потому что сосредоточена была на внутреннем оформлении, а сейчас смотрю на здание и понимаю, что Вероника — это очень серьёзные бабки.

Перед главным входом скульптура, от которой у меня перехватывает дыхание. Две гигантские спирали из полированной нержавеющей стали взмывают вверх, переплетаясь, как двойная спираль ДНК.

Но вместо гладких витков — сотни маленьких фигурок. Люди. Женщины, мужчины, дети. Они держатся за руки, тянутся друг к другу, обнимаются. Их тела отлиты так искусно, что в сумерках кажется, будто они шевелятся. Спираль подсвечена снизу ледяным синим светом, который переливается по рёбрам фигурок, создавая иллюзию пульсирующей жизни.

Отвожу глаза от скульптуры и решаю припарковаться чуть дальше, чтобы не привлекать внимания.

Сердце взволнованно стучит. Я делаю глубокий вдох и решаю выйти из машины. Туфли на каблуках цокают по асфальту, но ветер почти заглушает звук. Я иду не к парадному входу, а вдоль здания, туда, где припаркована машина мужа. Он туда куда-то нырнул, по левому проезду. Чёрный «Мерседес» стоит у служебного входа, как я и предполагала, под тусклым фонарём.

Почему доктор, если, конечно, Никита здесь как доктор, должен заходить с чёрного входа? Точно не должен.

Зайти? Позвонить? Или ждать? Выбираю третье. Ждать. И смотреть. Потому что правда всегда выползает наружу. Нужно только не спугнуть.

Через час ожидания я принимаю решение поехать домой и притвориться, что ничего не знаю. Мне надо вытащить Никиту на разговор. И мне надо дождаться встречи с Шевцовым, чтобы кое-что понять, если удастся, конечно.

Но почему они разговаривали вчера в моём присутствии, и Вероника просилась на приём к Никите? Они, или только она, хотели, чтобы я это слышала. То, что Никита был напуган до смерти, говорит о многом, но о чём?

- - -

***Заха Мохаммад Хадид**— известная на весь мир ирако-британский архитектор и дизайнер арабского происхождения, представительница деконструктивизма.

Глава 6. Вихрь

Никита

Я выхожу из душа в клинике и смотрю на себя в зеркало. Мокрые волосы зачёсаны назад, лицо покраснелось после горячей воды, в глазах — безумие. Я знаю это безумие. Оно приходило ко мне раньше, но давно, очень давно. В молодости, когда я гонялся за юбками и не думал о последствиях.

Надеваю свежую рубашку. У меня в шкафу всегда имеется пара чистых белых рубашек на все случаи жизни. Как этот, например.

После её ухода я уже знал, что не удержусь. Знал, что поеду к ней, даже если она приказала мне украсть яйцеклетки собственной жены. Даже если она угрожала уничтожить мою жизнь.

Чувствую себя спятившим Вавилонским вельможей, которому предстоит ночь с царицей Семирамидой, и который знает, что исход может быть смертельным.

Наливаю стакан холодной минералки. Я слишком разогнался. Спокойно, доктор!

Кристина? С Кристиной было удобно. Скучно, но удобно. Медсестра, которая не задаёт вопросов, которая ложится на кушетку после работы и закрывает глаза, пока я делаю своё дело. Она не заводила меня. Просто я выпускал пар. Стресс, усталость, отсутствие нормального секса с Наташей.

С Наташей... Боже. Я люблю её. Наверное. Но она превратилась в одержимую. Ребёнок, анализы, овуляция, когда лучше, а когда хуже. Я больше не могу смотреть на её высчитывающие глаза. Она хочет не меня, она хочет сперматозоид. Любой, лишь бы с правильной морфологией. А у меня их нет. Совсем.

Вот так. Я — репродуктолог, который не может дать жене ребёнка. И я скрываю это четыре года. Четыре года лжи, уловок, отговорок. А теперь пришла она. Вероника. И одним взглядом показала мне, что такое настоящий огонь.

Спускаюсь к машине.

Еду в «Феникс». Включаю музыку погромче, чтобы заглушить голос совести. «Ты предаёшь Наташу», — шепчет кто-то внутри. Заткнись! Наташа получила меня четыре года назад, честного, любящего, готового на всё. А теперь я другой. Я хочу жить. Хочу чувствовать. Хочу быть мужчиной, а не подопытным кроликом.

Паркуюсь у служебного входа. Вероника прислала мне сообщение. Дверь открывается при моём приближении. Лифт на последний этаж. Кнопка с одной буквой «V».

Двери лифта открываются, и я вхожу в апартаменты.

Я ожидал чего-то помпезного, золотого, в стиле «богатые тоже плачут». Нет. Здесь всё продумано, как операционная. Стерильно, холодно, красиво. Пол из полированного бетона, стены — матовое стекло с подсветкой. Мебель белая, как в лаборатории. На журнальном столике — книга по генной инженерии. На стене — абстрактная картина, похожая на срез ДНК под микроскопом. Это Мирр, узнал.

Гостиная тонет в полумраке. Горит только один торшер, и его свет отражается от сотен поверхностей, создавая иллюзию бесконечности. Играет музыка — что-то джазовое, с медной трубой и расслабленным битом.

Пахнет дорогими благовониями. Восточными. Тёплыми. Этот запах обволакивает меня, проникает в лёгкие, в кровь.

— Никита.

Я поворачиваюсь. Она стоит у входа в спальню, прислонившись плечом к косяку. На ней шёлковый халат, перехваченный поясом, но из-под халата видна полоска голого бедра.

Волосы распущены, влажные — будто она только что вышла из душа. Или ждала меня, томясь от нетерпения.

— Иди сюда.

Голос низкий, с хрипотцой. Я подчиняюсь. Иду к ней, как загипнотизированный. Между нами три шага, два, один.

Она не ждёт. Хватает меня за галстук, притягивает к себе, впивается в губы. Целует жадно, требовательно, как будто мы не виделись годы. Её пальцы расстёгивают пуговицы моей рубашки, слегка царапают грудь, опускаются ниже.

Я теряю голову. Весь мой мир сужается до её губ, её запаха, её голоса, который шепчет: «Давай, не стесняйся, я хочу тебя».

Мы перемещаемся в спальню. Здесь ещё более пугающе — огромная кровать, закрытая пологом из полупрозрачной ткани. Есть в этом что-то восточное. Когда мы падаем на простыни, я понимаю: эти ткани нужны не для декора, а чтобы скрывать движения. Чтобы смотреть на игру теней, а не на лица. Это идеальная комната для тайных встреч. Никаких эмоций, только тела.

Но я хочу видеть её. Отодвигаю ткань в сторону, смотрю сверху вниз. Она улыбается. В её зелёных глазах — насмешка.

— Любуешься?

— Да, — хриплю я.

Она обвивает ногами мою талию, притягивает к себе. И всё, что было до этого — ожидание, страх, сомнения — исчезает. Остаётся только жар. Только её тело, её стоны, её пальцы, впивающиеся мне в спину.

Я не помню, когда меня так заводила женщина. Наташа привыкла к романтике, к свечам, к долгим прелюдиям. Вероника берёт своё. Она командует, она ведёт, она заставляет меня забыть обо всём. Даже о том, что через несколько минут она снова начнёт говорить про яйцеклетки.

Но сначала секс. Жестокий, быстрый, без нежностей. Потом — второй раз. Медленнее, глубже, с паузами и поцелуями. Я пытаюсь поцеловать её в губы — она отворачивается. «Не надо, — шепчет. — Это лишнее». И мне становится одновременно стыдно и ещё более возбуждённо.

Когда мы оба задыхаемся и лежим на мокрых простынях, я смотрю в потолок. Стекланный потолок. Сквозь него видно звёзды. Или это светодиоды? Не важно.

Вероника садится на кровати, закуривает что-то тонкое, ментоловое. Дым плывёт вверх, смешиваясь с запахом секса и благовоний.

— Ты в хорошей форме, — говорит она без эмоций. — Теперь к делу.

Я закрываю глаза. Ну вот, началось.

— Яйцеклетки твоей жены мне нужны через две недели. — Она выпускает дым в потолок. — Не позже.

— Я понял, — бормочу я, глядя в сторону.

— Ты не понял главного, — она поворачивается ко мне, и я вижу, как её глаза сужаются. — Я уже говорила, что у неё редкий HLA-тип. Тот самый, который мне нужен для лечения. Но это не всё. У неё идеальная митохондриальная ДНК. Она здорова, фертильна, и её геном — чистая доска. Таких женщин единицы. Твоя жена — биологическое сокровище, Никита. И ты, даже не зная этого, живёшь с ней уже четыре года, не используя её потенциал.

Она усмехается. Я молчу.

— Я не буду рожать от неё, успокойся. — Вероника тушит сигарету в хрустальной пепельнице. — Мне нужны только ооциты. Из них создадут эмбрион, который потом станет источником стволовых клеток для меня. Моя болезнь, Никита, не прощает ошибок. И мне нужен именно этот генетический материал.

Я встаю, начинаю одеваться. Рубашка смята, пуговицы застёгиваются не в те петли.

— Можешь не спешить, — говорит она лениво. — Но помни: без яйцеклеток никакого продолжения.

Я замираю. Смотрю на неё. Она лежит, откинувшись на подушки, абсолютно голая, но без капли стыда. Идеальное тело, которое я хочу снова. Уже сейчас. Снова.

— А если я привезу, что ты хочешь? — спрашиваю я, сглатывая. — Тогда я смогу приехать ещё?

Она улыбается улыбкой Снежной Королевы.

— После того, как я получу обещанное. Может быть. Если я буду в настроении.

Я застёгиваю какую-то пуговицу, нахожу галстук на полу, иду к выходу, не оборачиваясь.

— И да, — слышу я её голос уже в спину. — Привези все анализы Наташи, которые сможешь достать. И не вздумай подделывать. Я проверю.

Выхожу в коридор. Лифт едет вниз слишком медленно. Я смотрю на своё отражение в зеркальных стенах — растрёпанный, с красными пятнами на шее, с печатью безумия на лице.

Я только что продался.

И, кажется, мне это понравилось.

Глава 7. Вечерняя операция

Наташа

Я приехала раньше. Переделалась, сходила в душ, выпила пустырника.

Никита возвращается около двенадцати.

Видимо, заблудился в сексуальной эйфории или просто сидел в машине и приходил в себя. Сгонял морок. Слышу, как ключ поворачивается в замке, как он чертыхается в прихожей, скидывая обувь. Я сижу на кухне, передо мной давно остывшая ромашка. Смотрю в телевизор.

— Наташ? Ты не спишь? — его голос звучит устало, но с ноткой фальшивой бодрости и удивления. — Я думал, ты уже в постели.

Да, представь себе, придётся отвечать на вопросы. А ты как думал?

— Тебя ждала, — отвечаю спокойно, встаю, иду к нему навстречу. Он в коридоре вешает пиджак на плечики, развязывает галстук, который успел надеть по дороге. Слишком довольный. Целует меня в щёку. Духами не пахнет. Хотя... какой-то незнакомый дорогой запах я всё-таки улавливаю. Но в данной ситуации мне может и померещиться.

— Ну, как операция? — спрашиваю я, глядя ему в глаза.

Он моргает. На секунду замирает с галстуком в руках. Забыл, что ли? Сто пудов.

— Сложная, но всё прошло хорошо. Пациентка приехала из Твери, с перекрутом яичника. Экстренная лапароскопия. Я сам не хотел, но дежурный врач растерялся. Пришлось вызывать бригаду, готовить операционную. Ты же знаешь, такое не откладывают.

Я киваю. Звучит правдоподобно. Перекрут яичника — не шутка, боль острая, пациентку могли привезти в любой момент. И репродуктолог действительно может провести такую операцию. Никита хороший хирург в своей области. Всё логично. Остановись, Наташа!

Да нет. Я просто анализирую его враньё. Просто анализирую, чтобы не сорваться.

Он не смотрит мне в глаза.

Он вешает галстук на спинку стула, проходит на кухню, открывает холодильник, достаёт бутылку минералки. Пьёт прямо из горлышка — нервы, наверное.

— Ты голодный? — спрашиваю я.

— Нет, перекусил в клинике. Я же не ем на ночь, ты что! Устал, как собака.

Он выдыхает, трёт переносицу. Садится за стол, напротив моего остывшего чая.

— Ты бы ложилась, Наташ. Поздно. Зачем нарушать режим. Это плохо сказывается на гормонах, — заботливый, сволочь.

Встаю, иду к раковине, включаю воду. В раковине лежит пара ложек, споласкиваю ложки.

— Просто странно, что ты не позвонил, а написал смс, как будто не хотел со мной разговаривать и тратить на меня время и эмоции.

— Я был занят, — голос становится жёстче. — Если ты не заметила, у меня работа, а не прогулки и гулянки.

— Я заметила, — киваю я, поворачиваясь к нему.

Он сидит с важным видом киногероя.

— Никит, — говорю я, садясь напротив и обхватывая кружку с холодной ромашкой. — Я хочу, чтобы ты сдал полные анализы. В другой лаборатории, — ничего другого, чтобы его выбесить, не придумала.

Он напрягается. Я вижу, как его плечи поднимаются, как пальцы сжимают бутылку с водой.

— Наташ, мы уже обсуждали это.

— Обсуждали. Но ты так и не сделал. Ты обещал мне четыре года. А я всё ещё не вижу твоих настоящих анализов.

— Как же я устал! — вздыхает и, облокотившись, кладёт голову на руку. — Прихожу домой после операции, весь в мыле, а тут такое.

— Боишься? – не обращаю я внимания на его притворные возгласы.

— Чего? Чего я боюсь, Наташа? — спрашивает он меня, как назойливого недоумка.

— Не знаю. Может, того, что я узнаю правду? — смотрю на него, и в моём голосе появляются нотки металла.

Раз, и мелькает совсем другой взгляд.

Он чувствует, что у меня есть козыри. Он чувствует, что я не договариваю, но пока не идёт дальше.

— Я устал тебе доказывать, женщина! — он почти кричит. — У меня клиника, кредиты, пациенты, а ты со своими подозрениями!

Повышенные тона я переношу плохо.

Злость поднимается во мне волной. Девятым валом. Почти не осталось сил сдерживаться, и тоже не заорать про Веронику, про то, что я его видела сегодня у «Хеликса», что он врёт, что он предатель. Как же трудно сдержаться!

Хватаю чашку с остывшим чаем и швыряю в стену. Она разбивается вдребезги, чай стекает на пол, мне плевать. Беру сахарницу и отправляю туда же. Коричневые кубики рассыпаются по плитке.

— Ты сдурела?! – Никита хватается меня за плечи.

— Ты лжец! И ты знаешь это, - говорю я ему сквозь зубы, — ты обещал мне ребёнка! Я не верю ни в какую операцию, ты понял? — отталкиваю его и решительно ухожу, — Спи на диване и не прикасайся ко мне!

Бегу в спальню. Закрываю дверь. Меня колотит. Я физически держу руку на губах, чтобы не крикнуть ему про «Хеликс», про то, что я его видела в мятой рубашке с взъерошенными волосами.

А он?

Он затих.

Ложусь в кровать. Смотрю в потолок. Глаза сухие. Слёз нет. Только злость. И страх. И внутри — маленький холодный комок, который говорит мне: *ты не знаешь главного. Ты знаешь. Вероника.*

Откуда это? Какое главное? Подсознание включает режим форс-мажора, пару раз такое было.

Слышу, как он проходит в гостиную, ложится на диван.

Я не сказала, что видела его. Я не сказала, что видела его у «Феникса». И это — моё оружие.

Он думает, что я всего лишь ревнивая жена, которая бесится из-за анализов. Хотя... Нет никакого хотя.

Это даёт мне время.

Время, чтобы понять, что он скрывает.

Время, чтобы собрать доказательства.

Время, чтобы его уничтожить.

Глава 8. Человек, который видел слишком много

Наташа

Кафе «Винил» оказывается маленьким подвальчиком, где стены увешаны пластинками, а вместо стульев — винтажные кресла. Пахнет кофе, старым деревом и ностальгией.

Я прихожу за десять минут до трёх. Сажусь в углу, заказываю американо и прокручиваю в голове легенду. Пластинка есть. Она хранится дома, я просто не взяла её с собой, потому что хотела сначала убедиться, что эксперт настоящий.

Дверь открывается. Входит мужчина — лет сорок, спортивный, загорелый, тёмно-русые волосы. Он крупнее Никиты, пошире в плечах. Не знаю, почему сравниваю. Одет в серую хлопковую куртку с накладными карманами и светлые джинсы. Неброско, но как-то по-особенному. В руке солнечные очки. Оглядывает зал, видит меня, одиноко сидящую с чашкой кофе, и направляется ко мне.

— Наталья?

— Да. Евгений Викторович?

Кивает. Садится напротив. Смотрит тяжело, исподлобья.

Я узнаю его. Два года назад мы делали ивент для биотех-конференции в «Экспоцентре». Один из докладчиков выступал с лекцией о редактировании генома. Интересно рассказывал, я слушала. У него был низкий голос ещё. Это был этот мужчина, точно.

— Мы знакомы? — спрашиваю осторожно.

Он прищуривается.

— Ваше лицо мне тоже знакомо, — я узнаю голос. — Вы работали на одной конференции пару лет назад? Что-то со светом или звуком? — спрашивает, явно вспомнив.

— Да. Я иммерсивный дизайнер. Организовывала световое сопровождение.

— А теперь коллекционируете джазовый винил? — в его голосе появляется недоверие, точнее, даже подозрение. — Странный поворот карьеры.

Он уже всё понял. Или почти всё. Отступить поздно.

— Евгений Викторович, я солгала про пластинку, — говорю прямо. — Её не существует. Но мне нужна ваша помощь. Я заплачу.

Он не встаёт. Не зовёт охрану. Просто смотрит — долго, тяжело, изучающе.

— Говорите быстро, пока я не ушёл. Что вам нужно?

Делаю глоток эспresso, чтобы унять дрожь.

— Вероника Бром. Вы знали её отца. Вы знаете её. Я хочу понять, чего она хочет от моего мужа.

Он молчит. Откидывается на спинку кресла.

— А муж ваш кто?

— Никита Стрельцов. Репродуктолог. Клиника «Сириус».

Швецов закрывает глаза. На секунду мне кажется, что он усмехнётся и уйдёт. Но остаётся.

— Клиника «Сириус», — повторяет он. — Наслышан. Слежу за профессией. Я тоже репродуктолог, как никак.

Он делает жест официанту.

— У нас есть час примерно, — говорит он мне, потом официанту: — Двойной эспresso. А вы? — ко мне.

— Ромашковый чай и печенье, — быстро говорю, вспоминая, что голодная.

Официант уходит. Швецов наклоняется ближе.

— Вы влипли, Наталья. Скорее всего, сильно. Положите телефон на стол и выключите его при мне.

Выключаю. Кладу экраном вниз.

— Рассказывайте, — командует он.

И я рассказываю. Про вечеринку в «Фениксе». Про то, как Вероника подошла к нам, назвала меня по имени, похвалила мою работу. Про то, как Никита побледнел, как его рука дёрнулась, как он согласился на консультацию в девять утра, не спросив ни о чём. Про его отказ от диагностики, про его ложь про операцию, про то, что я видела его машину у служебного входа в «Фениксе» вчера вечером.

Швецов слушает, не перебивая. Пьёт эспрессо маленькими глотками. Когда я заканчиваю, он ставит чашку и говорит:

— Ваш муж — дурак. Но не безнадёжный. Пока.

— Объясните.

— Вероника Бром — дочь профессора Аркадия Брома. Вы знаете, кто это?

— Наслышана. Биохакер. Сидел за убийства. Погиб в тюрьме.

— Не «погиб». Его убили. Заказное. Свои же. Потому что Бром знал слишком много и обещал слишком многим. Но его дело живёт. В лице дочери.

Он замолкает, смотрит в сторону. Я жду.

— Я работал с Бромом пять лет. Сначала аспирантом, потом ведущим специалистом в его подпольной лаборатории. Я видел, что он делал. Я помогал ему редактировать геном эмбрионов. Мы создавали людей с заданными свойствами. Устойчивость к болезням, повышенный интеллект, определённый цвет глаз. Заказчики были богатыми, очень богатыми. Из разных структур.

— Значит, у него были обширные связи, — выдаю я нехитрую мысль.

— Конечно. Иногда клиенты расплачивались инсайдерской информацией.

— За что его посадили? — я опять блещу интеллектом.

— Лучше скажите, за что его так долго не сажали. Официально он получил обвинение в убийстве, а неофициально, много чего. В том числе и участие в политических играх с властью. Кому-то он прижал хвост, и тот отомстил. Давайте без лишних подробностей и имён. Дела давно минувших дней, тем более, речь не о Веронике конкретно, а о её умершем отце.

— Вы ушли намного раньше?

— Я сбежал, когда понял, что Бром начал использовать для экспериментов не только эмбрионы, но и живых людей. Бездомных, мигрантов, тех, кто не сможет пожаловаться. Однажды я зашёл в лабораторию ночью и увидел человека на столе. Он был в сознании. Без наркоза. Бром проверял регенерацию тканей. Я не выдержал. Собрал вещи и уехал в лес. Сменил имя, стёр все документы. Но Бром меня нашёл. Сказал: «Ты будешь молчать, или твоя семья заплатит». Силы неравные, как вы понимаете.

Евгений сжимает крутит чашку вокруг своей оси, придерживая её за ручку.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спрашиваю тихо.

— Потому что Вероника хуже отца.

У меня внутри всё холодеет и обрывается. Я чувствую, вернее, предчувствую, что Никита действительно вляпался, но пока ещё не знаю основного — насколько глубоко. Я пока ещё не знаю, зачем она вышла на него.

— У отца была хотя бы идея — наука, прогресс, победа над смертью, — продолжает Евгений. — У неё — ничего. Только холодный расчёт. Она хочет выжить. Любой ценой.

— Выжить? От чего?

Он смотрит на меня с нескрываемым удивлением.

— Вы не знаете? Вероника больна. Но я не готов пока раскрывать эту смертельную во многих отношениях тайну. У меня есть свой интерес, поэтому я с вами разговариваю, но я должен поосмотреться и кое-что проверить, прежде, чем мы продолжим.

— У вас есть интерес? — не совсем понимаю я.

— К тому же, час, который я вам милостиво подарил, подошёл к концу. У меня нет больше свободного времени на сегодня.

— Когда мы встретимся опять? Евгений, вы не можете вот так бросить меня на полуслове, — мне становится страшно оставаться в неведении, когда муж крутится около этой хищницы. Мало ли что может произойти, и я наделаю непростительных, а то и непоправимых ошибок просто потому, что ничего толком не знаю, как и Никита, возможно.

Евгений не может не видеть моё отчаяние.

— Завтра не обещаю, а вот послезавтра в это время здесь же, — он встаёт из-за стола, — можете включить телефон. До свидания, Наталья!

Он идёт к выходу, я смотрю ему вслед.

Глава 9. Чистка

Никита

Утренняя конференция — это всегда немного театр.

Пять врачей, планёрка в переговорной с видом на парковку. Я стою у белой доски, рисую схемы, раздаю указания, а сам смотрю сквозь людей. Мои мысли далеко. Вчера. Она. Её губы, её запах, я в ней, и потом её голос: «После того, как я получу обещанное».

— Никита Леонидович, — голос заведующим Соболева выводит меня из транса. — Что скажете по протоколам стимуляции? У нас две пациентки с низким овариальным резервом.

— Стандартный антагонист, дозировки по весу, контроль на пятый день, — говорю я на автомате. — Дальше.

Следующим докладывает Смолина. Молодая, амбициозная, но грубая, как базарная баба перед лотком помидоров. Врач от Бога, как она себя называет. Но пациенты жалуются. Вчера пришла официальная жалоба от супружеской пары из Одинцово.

— Елена Павловна, — я смотрю на неё в упор. — Объясните мне, что произошло с пациенткой Жигаловой?

Смолина не краснеет, но морщит нос.

— А что произошло? Я сказала ей правду. У неё индекс массы тела под сорок, и она хочет ЭКО. Я объяснила, что сначала нужно похудеть, иначе риски выше, чем шансы.

— Цитирую жалобу, — я беру распечатку. — «Врач Смолина заявила, что я жирная корова и мне не нужен ребёнок, а нужна диета». Это так?

Смолина краснеет. В кабинете тишина.

— Я не говорила про корову, — бормочет она. — Я сказала про высокий риск.

— Пациенты часто гиперболизируют, — вставляет Соболев.

— Не надо никого защищать, — обрываю я. — Елена Павловна, вы хороший специалист, но ваша прямота граничит с хамством. Сделайте выводы. В следующий раз — выговор. Всё, свободны.

Врачи расходятся. Я остаюсь один в переговорной, смотрю в окно. Дождливая Москва, ремонт ороги, пробки. Через два часа я должен быть в Сокольниках. Она выходит с работы в шесть.

День тянется как резина. Я проверяю текучку: отчёты, заявки, кредиты, которые надо переподписать. Пациенты в клинике раздражают. Коллеги — тоже. Я пью кофе чашку за чашкой, но сонливость не проходит. Или это не сонливость. Это тупая тяжесть, которая навалилась после встречи с Вероникой. Я под гипнозом.

В пять срываюсь с места. Говорю секретарше, что уехал к инвестору. Сажусь в машину, выезжаю на Садовое, потом на Третье кольцо, потом на Щёлковское шоссе. Сокольники. Знакомый район. Я бывал здесь раньше, когда Кристина жила в старой коммуналке, прежде, чем переехала в тридцатизэтажный человекник.

Паркуюсь напротив её работы — частный диагностический центр «Моё здоровье». Она работает медсестрой в процедурном кабинете. Выходят в шесть. Я жду.

Ровно в шесть ноль пять дверь открывается. Она выходит — невысокая, худая, с тёмными волосами, собранными в пучок. На ней синее худи и джинсы. Идёт быстрым шагом к метро. В ней ничего не изменилось.

Я выхожу из машины, перехожу дорогу. Догоняю её.

— Кристина.

Она вздрагивает. Оборачивается. Глаза расширяются — сначала от испуга, потом от узнавания.

— Никита Леонидович? — голос дрожит. — Вы... что вы здесь делаете?

— Соскучился, — улыбаюсь я. — Садись в машину, поговорим.

— Нет, — она пьтится. — Нам не о чём разговаривать. Ты меня уволил, пригрозил. Я ничего никому не говорила, как обещала.

— Верю. Но есть разговор. — Я беру её за руку. Крепко, выше локтя. — Садись, говорю.

В тот же миг я нажимаю на крошечный шприц-капсулу, зажатый в ладони. Игла тонкая, короткая — она даже не чувствует. Весь укол занимает меньше секунды, пока я сжимаю её плечо, делая вид, что тяну к машине. Препарат прозрачный, без цвета и запаха. Через полчаса он начнёт работать. А через час сердце Кристины, которое и так барахлило — я помню, она жаловалась на аритмию, пила какие-то таблетки, — остановится.

Она пытается вырваться, но я сильнее. Затаскиваю её в машину, на заднее сиденье. Она садится, вся напряжённая, смотрит на дверь.

— Не бойся, — говорю я, садясь рядом. — Я не трону. Ответишь на вопросы и пойдёшь.

— На какие вопросы? — она дрожит. Но не от холода. От страха.

— У тебя слабое сердце, Кристина, — тихо говорю я. — Не нервничай.

Она сглатывает.

— Кто к тебе приходил? Или звонил. Про меня.

— Никто, — слишком быстро.

— Кристина, не ври. — Я смотрю ей в глаза. — Вероника Бром. Она тебя нашла. Что ты ей сказала? Сколько она заплатила?

Она бледнеет. Молчит. Потом выдавлиывает:

— Ничего я не говорила. Она позвонила, спросила про тебя. Я сказала, что мы работали вместе, и всё.

— И про эмбрионы? — я придвигаюсь ближе. — Про то, как я «терял» эмбрионы пациенток? Ты ей это рассказала?

— Нет! — она почти кричит. — Клянусь, Никита! Я не дура. Я знаю, что ты можешь. Я ничего не говорила.

— Тогда откуда у неё запись разговора? — мой голос становится тише, почти ласковым. — Та самая, где ты меня шантажируешь. Она показала мне. Дала послушать. Значит, ты записала и продала.

Кристина плачет. Слёзы текут по щекам, она вытирает их рукавом.

— Я не знаю, о чём ты. Это не я. У меня нет записи. Я ничего не продавала. Может, она сама записала? Ты же в клинике разговаривал, там камеры везде.

— Камеры не пишут звук, и я ни с кем на эту тему, кроме тебя, не разговаривал, — отрезаю я. — Ладно. Допустим, не ты. Но ты будешь молчать. Обо всём. О наших встречах, об эмбрионах. Если кто-то спросит — я тебя уволил за некомпетентность. Поняла?

— Да, да, — кивает она. — Я всё поняла. Никита, я тебя любила. Зачем ты так?

Она врёт. Я знаю. Она любила только мои деньги. И мои перспективы.

— Выходи.

Она открывает дверцу, вываливается из машины, шатается. Я закрываю дверь, пересаживаюсь на водительское сиденье. Смотрю в зеркало заднего вида: она стоит на тротуаре, смотрит вслед. Потом разворачивается и быстро идёт в сторону метро.

Я выдыхаю. Всё. С ней покончено. Через час или два её сердце остановится. Препарат не оставляет следов. Аритмия, слабое сердце, стресс. Естественная причина. Никто не будет копать. Даже если приедет полиция, вскрытие покажет то, что и так известно: у неё было больное сердце. Даже в моей клинике смогут это подтвердить.

Ещё одна ниточка оборвана. Она была опасным свидетелем.

Теперь осталась только Вероника. И Наташа. Но Наташа пока не в счёт.

Завожу двигатель и еду в «Хеликс». Я не могу остановиться. И не хочу.

Ошибки быть не должно.

Глава 10. Пёс

Никита

Я еду в «Хеликс», и руки на руле не дрожат. Это странно. Только что я убил человека. А что мне оставалось делать? Я много чего успел ей наговорить за два года. Что-то она смогла записать на телефон, что-то нет, но измену тоже могла. Перешлёт жене, когда время придёт. Она подленькая, такая на всё согласная мышка себе на уме, которую надо пожалеть за несчастное детство.

Наверное, уже лежит на тротуаре, или в метро, или её увезла скорая, или... неважно. Я не чувствую ничего. Она предатель. Мелкая ничтожная меркантильная тварь.

Пустота. И в этой пустоте — только одно живое место. Она. Вероника. Роковая.

Набираю номер. Гудки. Долгие. Наконец отвечает.

— Я занята, Никита.

— Я еду к тебе.

— С пустыми руками? — её голос холодный, как лёд. — Не смейся. У нас уговор.

— К чёрту уговор, — я сжимаю руль. — Я хочу тебя видеть. Сейчас.

— Ты ничего не привезёшь. Зачем ты мне?

— А ты зачем мне? — огрызаюсь я. — Ты думаешь, я игрушка? Я рискую всем. Женой, клинкой, свободой. И я еду к тебе не ради твоих яйцеклеток. Я еду, потому что не могу без тебя.

Пауза. Я слышу, как она дышит. Медленно, ровно. Как будто считает до десяти. Омут.

— Ты разочаровываешь меня, Никита.

— Мне плевать на яйцеклетки. Плевать на твою болезнь. Я хочу тебя. Сейчас. И если ты откажешь — я развернусь и уеду. И больше не вернусь. Ищи другого дурака. Переживу.

Это блеф. Я готов ползать у её ног. Промежность горит.

Она молчит. Я уже почти поворачиваю руль, чтобы развернуться посреди Садового кольца. Как будто она меня видит. Идиот.

— Приезжай, — коротко бросает она и отключается.

У меня отлегло от сердца. Она согласилась. Может, я ей не безразличен? Может, она тоже чувствует это? Тот огонь, который сжигает меня заживо? Ведь она женщина, чёрт возьми. Она не может быть всё время льдом. Разве можно сыграть такой секс, который был вчера?

Я почти счастлив. Я не думаю о Кристине. Незначительная мелочь. Да я вообще о ней никогда не думал. Использовал и всё, как писсуар. Но я не думаю и о Наташе, о том, что через несколько дней мне придётся украсть яйцеклетки собственной жены. Предать её. Растоптать её доверие.

Я думаю только о её губах, о её запахе, о том, как она стонет, когда я раздвигаю её длинные гладкие ноги...

Вхожу в «Хеликс», лифт, этаж. Дверь открыта.

Она стоит у окна. В чёрном платье, с распущенными волосами. Прекрасная. Невероятная. Стоит и не оборачивается.

— Я здесь, — говорю я.

— Вижу.

— Иди ко мне.

Она поворачивается. В её глазах — ни намёка на тепло.

— Ты приехал, Никита. И что дальше?

Я делаю шаг. Потом второй. Хочу обнять её, поцеловать. Она отступает.

— Нет, — говорит тихо. — Не сегодня.

— Почему? — я чувствую, как внутри закипает злость. — Ты же согласилась.

— Я согласилась тебя выслушать. Ты пришёл с пустыми руками. Я ничего не получила. Зачем мне тебя кормить обещаниями?

Я хватаю её за плечи. Она не сопротивляется, но смотрит на меня так, будто я насекомое.

— Отпусти, — говорит спокойно и немного морщится.

— Нет. Я хочу тебя. Сейчас.

— Ты забываешься, — она щёлкает пальцами.

И откуда-то из-за спины возникают двое. Здоровенные, как шкафы, в одинаковых серых костюмах. Один берёт меня за локоть, второй мягко, но настойчиво оттесняет к выходу.

— Вы покинете помещение, — говорит первый басом, — сейчас же и без разговоров.

— Я не... — пытаюсь вырваться.

— Покинете, — повторяет он.

Я смотрю на Веронику. Что я могу с ними сделать? Два огромных накаченных амбала. Она стоит, скрестив руки на груди, и улыбается. Той самой улыбкой Снежной Королевы.

— У нас был уговор, Никита, — напоминает она. — Сначала яйцеклетки. Потом всё остальное. Не приходи больше с пустыми руками. Я не благотворительный фонд.

Охранники вталкивают меня в лифт и нажимают на кнопку. Дверь закрывается.

Я стою, прижимаясь лбом к холодной стене. В голове звон.

Она не хочет меня. Она хочет только яйцеклетки. А я для неё — инструмент. Расходный материал. Я не могу в это поверить. Я и не верю. Просто ей очень нужны яйцеклетки. Она не отступит. Это жизненно важно, я понимаю, как врач, о чём она. Вероника хочет жить.

Еду домой, сжимая руль так, что могу его сломать. В голове — план.

Наташа. Нужно уговорить Наташу. Когда у неё были месячные? Я прокручиваю в памяти. Неделю назад. Значит, овуляция через пять-шесть дней. Идеально. Я скажу, что надо сдать анализы на овариальный резерв — это стандартная процедура перед ЭКО. Она поверит. Она всегда верит.

Я подготовлю фальшивые анализы. Возьму донорские, подпишу, подложу. Она не заметит. Главное — не спугнуть. Быть внимательным, нежным, заботливым. Как раньше. Целовать, обнимать, говорить, что люблю. И потом — затащить её в клинику. Под наркоз — и готово. Справлюсь.

Я зол на Веронику. Как же я зол! Бешенство душит меня, смешиваясь с унижением. Но я подчинюсь. Потому что выхода нет. И потому что я хочу её снова. Даже после того, как она выставила меня как пса.

Я — пёс. Который лижет руку, которая бьёт. Не узнаю себя. Что со мной? Останавливаюсь, не доезжая до дома. Стояк. Надо успокоиться. Наливаю на руку немного воды и провожу по волосам. Становится чуть свежее. Я не могу думать о сексе ни с кем другим. Наваждение.

Захожу в квартиру. Наташа сидит на кухне, пьёт ромашку.

— Ты поздно, — говорит она.

— Устал, — улыбаюсь я. — Иди ко мне.

Она подходит, я обнимаю её. Пахнет ромашкой и домом. Я закрываю глаза и представляю, что это Вероника.

— Я люблю тебя, Наташ, — шепчу я.

Врёшь, Никита. Ты любишь только себя. И ту, которая тебя уничтожает. Или это всё-таки не совсем любовь?

Глава 11. Через час

Наташа

После разговора с Евгением я еду домой, но не могу найти себе места.

Мне стало ещё тревожнее. Какой интерес может быть у Евгения, что он не ушёл на третьей минуте нашего разговора, где я призналась во лжи, и чем больна Вероника?

Я даже толком её не запомнила, эту Веронику. Помню длинную загорелую ногу, которая оголялась до самого основания при каждом её шаге, помню глаза, быстрые, юркие, хитрые. Какого цвета у неё глаза? Не помню.

В шесть часов приходит смс.

«Наташ, задержусь сегодня. Встреча с новым инвестором, он проездом в Москве, отметить нельзя. Не жди, ложись спать. Целую».

Я читаю сообщение три раза. Инвестор. Вечером. Проездом.

Повадился.

Пишу одно слово: *«Хорошо»*.

В восемь я уже в машине. Еду к «Фениксу». Медленно, осторожно, как партизанка. Стараюсь не попадать в объективы камер — хотя откуда мне знать, где они здесь? Паркуюсь в полутора кварталах, иду пешком вдоль домов.

Здание бизнес-центра светится тёплым светом. Неон «FENIX» пульсирует, но входные двери закрыты. Я обхожу вдоль улицы, сворачиваю к служебной парковке.

Он здесь. Чёрный «Мерседес» Никиты. Стоит на том же месте, что и вчера.

Лицо пылает, сердце стучит, как ненормальное. Какой, интересно, у меня сейчас пульс? Я еле стою. Делаю несколько кадров на телефон. Машина, номер, здание на фоне. На всякий случай.

Усилием воли разворачиваюсь и иду обратно к машине. Я не позволю себе устроить скандал. Не позволю себе позвонить, сорваться, наорать. Потому что, если я это сделаю, он сойдёт. Опять. И я останусь ни с чем. Ловить его надо по-другому.

Домой приезжаю в десятом часу. Завариваю ромашку, сажусь на кухню и жду.

Он появляется в одиннадцать. Тихий и умиротворённый.

— Ты поздно, — говорю ему с упрёком..

— Устал, — улыбается Никита. — Иди ко мне.

Подхожу, он обнимает меня. Мне хочется его ударить чем-нибудь тяжёлым, чтобы он потерял сознание до утра, а утром проснулся и свалил.

— Я люблю тебя, Наташ, — шепчет Никита.

Как мило! Охреневший от своей прыти. Ударить бы прямо в причинное место скалкой.

Галстук ослаблен, волосы чуть влажные. С чего это? Да всё с того же. То ли стоял под душем в «Фениксе», то ли поливал на голову минералку, чтобы успокоиться. Есть у него такая привычка.

— Как встреча? — спрашиваю я, глядя ему в глаза.

— Утомительно, но продуктивно. — Он садится напротив, трёт переносицу. — Инвестор из Дубая. Хочет вложиться в расширение. Нервный, требовательный. Пришлось ужинать с ним в ресторане, поэтому я голодный, как волк, но перетерплю, — идёт к холодильнику и открывает минералку с газом.

— Ужинали, а есть нечего? — я поднимаю бровь.

— Деловой ужин — это не про еду, это про переговоры, Наташ. Ты же знаешь.

— Знаю, — киваю. — А где ужинали?

— В «Кентавре». — врёт как дышит. — Дорого, пафосно, невкусно и очень модно. Их выбор. — Наташ, ты какая-то странная сегодня, многозначительная, — он наклоняет голову. — Что-то случилось?

— Всё в порядке. Думаю о работе. Шуйский загрузил новым проектом.

— А, этот твой Шуйский, — морщится он. — Надеюсь, он не заставляет тебя работать по ночам, прекрасный семьянин, — напоминает он мне мои слова, что Игорь счастливо женат.

— Нет, он очень деликатный, — отвечаю я с намёком, который он не ловит.

— Деликатный? Скажите, пожалуйста, у нас деликатный шеф, — он лениво хихикает.

Я знаю, что он отвлекает меня от вопросов про него самого, на которые ему трудно будет отвечать. Я же могу продолжить спрашивать про инвесторов.

— Хорошо бы завтра не случилась операция и не приехали бы новые инвесторы все вместе к девяти часам вечера. Правда? Мы бы провели вечер вдвоём на диване. Давно такого не было.

Никита встаёт.

— Пойду в душ. Устал от ответственности. Хорошо бы, да, — такое впечатление, что он клацает зубами, а сказать ничего не может. Не хочет обострять, как и я. Была бы это правда — и операция, и инвесторы, — разразился бы сейчас долгой тирадой про мою недалёковидность, эгоизм, неоправданную подозрительность и бабскую тупость. Но Никита просто клацает и ловит воздух.

— Иди.

Он выходит. Я слышу, как в ванной шумит вода. Вздыхаю и прохожу в спальню.

Что я испытываю к нему? Что можно испытывать к предателю? Полное отторжение.

Мне очень мешает странное безжалостное чувство по отношению к себе. Как будто я в чём-то виновата, что всё катится в пропасть. Как будто я упустила какой-то важный момент, где могла бы повернуть ход, свернуть с опасного пути. Но я искренне не понимаю, в чём моя вина.

Никита выходит из душа и валится на кровать.

Понятия не имею, спит он или имитирует, я лежу к нему спиной на расстоянии вытянутой руки, которою, естественно, мне никто не протягивает. А я тем более.

Засыпаю под утро, и мне снится, что я тону в стеклянном животе беременной женщины с картины Мирра.

Утро. Никита встал раньше меня, собрался, гремит на кухне. Я захожу, он пьёт кофе, листает новости на планшете. Я натягиваю улыбку, он наклоняется и целует меня в щёку.

— Ты плохо спала? — спрашивает он, не глядя на меня. — Круги под глазами.

— Да, что-то не заснула сразу, — легко вру я. — Проект этот. Шуйский замучил.

Я специально так сказала, но он просто кивает, не вникая. Сейчас ему не до Шуйского. Плевать ему на Шуйского и на то, чем я живу. Мы разговариваем о погоде, о том, что в подземном паркинге нашего дома освободилось ещё одно место, но цены подняли вдвое. Стоит ли покупать? Решаем, что да, место в центре Москвы лишним не бывает. Всё это — механические фразы, за которыми ничего нет.

— Я поехал, — Никита допивает кофе, целует меня в лоб. — Сегодня постараюсь пораньше, — делает максимум усилий, чтобы разговор не начался, чтобы всё побыстрее замылить и слинять. Я держусь, как могу, и сколько я ещё так выдержу, сказать трудно. Очень тяжело. Внутри горит пламя, хочется на него наорать и расцарапать его смазливую рожу.

— Буду ждать.

Он уходит. Я слышу, как закрывается дверь, как лифт увозит его на паркинг. Смотрю в окно — его чёрный «Мерседес» выезжает со двора.

В «Ауру» приезжаю к десяти. Шуйский уже в своём кабинете, пьёт зелёный чай, листает презентацию.

— Наташ, ты какая-то дерганая, — замечает он, как только я переступаю порог. — Что случилось?

— Не знаю, что точно ты имеешь в виду, вроде, ничего не дёргается, — неприятно, когда тебя встречают таким комплиментом, что уж там. — Я встречалась со Швецовым, — закрываю дверь и сажусь напротив.

Он поднимает бровь. Откладывает телефон.

— И? Он тебя послал? Сказал, чтобы не лезла?

— Нет. Он меня выслушал. Дал понять, что я «влипла». Назвал Никиту дураком. Рассказал про Брома. Но главного я так и не услышала. Сказал, правда, что у него есть интерес, и что Вероника больна, но чем — не объяснил. Сплошная загадка и путаница. Стало хуже, чем было, короче.

Шуйский присвистывает.

— Больна? Чем?

— Не знаю. Но он обронил: «она хочет выжить любой ценой».

— И ты поверила? — он смотрит скептически.

— А что мне остаётся? Он единственный, кто готов говорить. И он явно что-то знает.

Шуйский крутит ручку, молчит.

— Знаешь, — наконец говорит он, — я удивлён, что он с тобой вообще разговаривал. И тем более — назначил новую встречу. Он же параноик. Ни с кем не общается. Значит, ты его чем-то зацепила. Или у него действительно есть свой интерес.

— Какой?

— Мсть. Или страх. Или шанс наконец-то выйти из тени. Не знаю. Но будь осторожна.

— В каком месте?

— Перестань, это не игрушки, я тебя предупреждал. И продолжаю предупреждать. Осторожна, значит, не говорить лишнего, не откровенничать и не расслабляться.

Я киваю. Хочу спросить ещё что-то, но в этот момент мой телефон вибрирует.

Слушаю.

— Наталья, это Швецов, — голос глухой, как вчера. — У меня окно сегодня. Если у вас есть время — встретимся. Вопрос срочный.

— Есть, — говорю быстро. — Когда и где?

— Через час. То же место.

Он бросает трубку. Я смотрю на Шуйского.

— Швецов. Через час. В «Виниле». Говорит, срочно.

Шуйский вздыхает.

— Езжай. Но всё отработаешь. Дел полно. Посидишь дольше обычного, если не успеешь.

— Спасибо, Игорь.

— Иди уже.

Выхожу из офиса. На улице — солнце, жара, московская пыль. Сажусь в машину, включаю кондиционер. Не могу сразу сообразить, как ехать.

Швецов торопится. Сменил планы. Говорит «срочно». Что случилось? Что он узнал? Или... что ему сказали?

Глава 12. Сардельки

Наташа

Захожу в «Винил», и в первую секунду, пока глаза привыкают к полумраку, я сразу вижу знакомый силуэт, но почему-то воспринимаю его не как Евгения Швецова — параноика, свидетеля, угрозу или шанс, а как мужчину, который, если честно, очень даже...

Тело опять заявляет о своей автономии, посылая странные сигналы наверх, то есть в голову.

Евгений сидит в углу, в том же кресле, где вчера мы говорили о Броне и о том, как я «влипла». На столе — чайник, две чашки с блюдцами, салфетки. Никакого кофе, никакого алкоголя. Только чай. Зелёный, с жасмином, пахнет садом и свежестью.

Он поднимается при моём приближении. И в этот момент я замечаю то, чего не заметила вчера. Он не просто высокий. Он — статный, подтянутый, плечи — как у человека, который не сидит в офисе днями напролёт, а ходит, плавает, бежит. Или просто умеет держать себя в форме.

На левом запястье — тонкий серебряный браслет. Старый, потёртый, будто он носит его много лет и не снимает.

Глаза — светло карие. Сегодня я замечаю в них не холод, а какую-то усталую теплоту. Может, я просто хочу её увидеть. А может, она там есть. У него лёгкая щетина, но не небрежная, а какая-то намеренная. Когда он улыбается — а он улыбается краешком губ, едва заметно, — у него появляются мелкие морщинки у глаз. Не старческие, не уродливые. Живые.

Сажусь напротив него, и на мгновение мы молчим. Он смотрит на меня, и я чувствую, как он тоже видит меня сегодня — не просто как женщину, которая хочет разобраться с мужем. Он видит меня как Наташу. Как ту, которая умеет слушать. Ту, с которой можно говорить.

Он медленно наливает чай. Движения спокойные, уверенные. Пауза между нами становится почти интимной. Я отвожу взгляд, делаю глоток. Чай обжигает, но мне это нравится.

— Срочно, значит, — говорю я, стараясь звучать деловито. Но голос предательски дрожит. И я знаю, что он это слышит.

— Телефон, — кивает он на пустое место на столе.

— Да, простите, — я быстро кладу перед ним выключенный телефон.

— Я проверял кое-что, — тихо говорит он. — У меня есть контакты в старой системе. Узнал, что Вероника на этой неделе трижды связывалась с одним человеком. Кто — не скажу. Но этот человек — поставщик биоматериала. Из старых, ещё отцовских. Не уверен, что кроме меня о нём кто-то помнит.

— Поставщик? Какого биоматериала? — я никак не могу сложить в голове, что он имеет в виду, и почему это так важно, что он вызвал меня.

— Спермы. Элитной. Для тех, кто не хочет пользоваться стандартными донорскими банками. Наверняка он выполнял её заказ. Вероника что-то готовит и не без участия вашего мужа.

— Моего мужа? Ну, да... он же репродуктолог... - бормочу я. — Зачем ей сперма от какого-то поставщика? В клиниках полно доноров.

Швецов усмехается.

— В клиниках — анонимные доноры с минимальным скринингом. А Вероника хочет эксклюзив. Ей нужна сперма от мужчины с идеальным геномом: высокий IQ, отсутствие наследственных заболеваний, определённая внешность — светлые волосы, голубые глаза, рост выше 185. Таких доноров не найти в обычных банках. Их выращивают... вернее, отбирают. За ними ведётся охота.

— Кто этим занимается?

— Есть люди. Они находят кандидатов — студентов престижных вузов, спортсменов, реже шоубиз. Платят им деньги, берут анализы, замораживают материал. Клиентам продают под видом «премиум-донорства». Дорого. Очень дорого.

— И Вероника доверяет этому поставщику?

— Абсолютно. Он работал с её отцом. Он знает все протоколы, все требования. И он никогда не подводил. Потому что боится. Если он продаст некачественный материал или обманет — он труп. Бром не шутил, и дочь не шутит.

Я молчу. Сжимаю чашку с остывшим чаем.

— Никита, я, мне кажется, не знаю главного, а вы знаете. Тут всё дело в этой женщине, в её хотелках. Она мутит и явно чего-то добивается. И добивается очень решительно. Что с ней не так? Вы вчера обронили... — не знаю, как подобрать слова, чтобы он меня не послал, чувствую, что это самый главный вопрос, и от ответа на него зависит очень многое, если не всё. — Скажите, чем она больна? — смотрю на Евгения, не мигая.

— Я вас понимаю, Наташа. Но я не должен вам этого говорить, — делает паузу. — Об этом никто не должен знать, и я думаю, мало, кто знает. Единицы. Я в их числе, потому что я из команды её отца, и мне велено молчать под страхом смерти, — он странно пожимает плечами, — и я не шучу.

— Вы женаты? — пытаюсь я разрядить напряжение и вернуться к вопросу чуть позже.

— Холост. Точнее, в разводе.

— А дети у вас есть?

— Есть сын. Уже студент.

— Понятно. Вы несёте ответственность за своих близких и не хотите рисковать.

— То, что я с вами встречаюсь, да ещё и второй раз, говорит о многом. Но это мои дела и мои счёты.

— Счёты по отношению к Веронике?

— Вам не нужна эта информация. Я слишком мало вас знаю, чтобы вам доверять, Наталья. Вы даже мне не сказали, кто вам дал мой телефон и направил ко мне, — шурится Евгений.

— А если я вам скажу, кто этот человек, вы мне скажете, чем больна Вероника Бром, и как её болезнь связана с моим мужем? При этом, я допускаю, что они уже любовники, но их сексуальная связь, по моему мнению, это следствие, а не первопричина. Я права? — была не была. Я готова сдать Шуйского ради такого дела. И так всё летит к чертям. Мой брак так точно.

— Ох, женщины! Как вы только умудряетесь всё смешать в кучу и выдать это за один вопрос? — Евгений улыбается. Улыбается и смотрит на меня как-то по-человечески, свободнее. — Вы слышали когда-нибудь об информации, которая стоит миллионы?

— Нет. Вы имеете в виду, что информация о её болезни столько стоит?

— Это совсем не сложно понять, как мне кажется. Когда у вас многомиллионный бизнес, акции, ценные бумаги, огромное количество партнёров, связанных с вами контрактами, то ваше здоровье имеет чуть ли не основное значение в стоимости этих активов. А тут вдруг появляется блогер, который на голубом глазу сообщает о смертельной болезни Мадемуазель Бром, и о том, что ей осталось совсем немного на этом свете. Как вы считаете, блогер рискует? — он делает жест официанту, — здесь очень вкусные сардельки из индейки и овощи на гриле, не хотите разделить со мной обед?

— Хочу. С удовольствием, — не уходит же, когда я в шаге от раскрытия тайны. Да и поесть не помешало бы. Нет, он не скажет. Будет водить за нос и потом уйдёт. Даю только десять процентов, что скажет.

— Так вы готовы назвать мне имя человека, который дал вам мои контакты?

Его это интересует прежде всего потому, чтобы понять, из какой вообще я оперы, и кто за мной стоит.

— Эта информация, может, и не стоит прям миллионы, но моей работы стоить может, — делаю я первый шаг. Прости меня, Игорёк!

— Шуйский, — сразу догадывается Евгений. — Ещё вчера вечером я был почти уверен, что это он. У вас с ним очень близкие отношения, раз он пошёл на это?

— Мы давно работаем. Всякое было. Я ему пару раз сильно помогла. Но личного ничего между нами нет, если вы это имеете в виду.

— Я давно его не видел, несчастного царя, — тут он берёт телефон и набирает номер. — Алло, да! Как зовут девушку, которую ты мне прислал для светской беседы? Да, полное имя, — Евгений смеётся. Видимо, Шуйский ему крепко ответил. — Понял, спасибо. — Он отключается и кладёт телефон на стол рядом с моим. — Вы можете мне показать паспорт?

— Могу, — я тут же лезу в сумку и достаю документ.

Он смотрит паспорт, почему-то все страницы. Любопытство, как норма

— Ну, что ж, Наталья Вадимовна, вы сами ко мне пришли, я вас не искал. Значит, так тому и быть. Приготовьтесь.

Перед столиком нарисовался официант с дымящимися сардельками.

Глава 13. Кукла Ника

Наташа

Её называли «Кукла Ника» с пятого класса.

Начинает Евгений говорить, а я начинаю слушать самым внимательным образом.

И не потому, что она была красивой, хотя красивой она была, пугающе красивой, как кукла из витрины антикварного магазина, которую ни одна девчонка не решится пеленать или посадить рядом на стул, кормить кашей и учить уму разуму.

Её называли куклой, потому что Вероника Бром никогда не одалживала ручку, не передавала записку, не задерживалась после уроков, не смеялась над шутками и ни разу никого не пожалела. Никто не видел её плачущей, злой или влюблённой. Она просто была. И всё.

К ней подходили с просьбами — она молча смотрела сквозь. К ней прикасались — она отстранялась. Никаких подружек и никаких разговорчиков.

В шестом классе мальчишки поспорили: кто заставит Веронику испугаться и закричать? Проиграли все. Она даже бровью не повела, когда ей на парту положилидохлуюмышь. Просто переложила в ведро. Без гримасы, без дрожи.

В седьмом классе классная руководительница вызвала её на разговор:

— Вероника, ты какая-то... безучастная, безразличная к жизни класса. У тебя всё в порядке дома? Мы можем поговорить.

— В порядке, — ответила Вероника. — Звоните отцу.

Если бы учительница продолжила, то нарвалась бы на грубость. Вот это Вероника умела — хамить и не думать о последствиях. Но учительница вовремя прикусила язык.

Отец был профессор Бром. В научных кругах его ненавидели, в криминальных — боялись, а обычные люди вообще не знали, кто это такой. Его лаборатории прятались в тех местах, куда даже налоговая не заглядывала. Он делал то, о чём другие боялись думать: редактировал гены эмбрионов, выращивал органы в пробирках, ставил опыты на людях, которые исчезали без следа. Но и лечил. Поправлял то, что медицина сделать не могла. Брал дорого. Очень дорого.

Его называли «биохакер-легенда», пока не посадили. Обвинение оказалось не таким уж состоятельным. Ничего серьёзного доказать не получилось, но ему дали небольшой срок.

Из тюрьмы он управлял империей — через клуб Хеликс, через сеть подставных фирм, через людей, которые за него убивали.

Вероника была его единственным ребёнком. И главным экспериментом.

Матери как будто не существовало. Она никогда её не видела и не слышала. Она никогда не пыталась её найти, потому что она была не нужна, потому что ей не нужна была ласка, родные руки, которые могли погладить по голове и мир бы становился добрее и безопаснее, она не знала, что такое сказка, прочитанная родным голосом и поцелуй на ночь.

Чистый современный дом, вкусная свежая еда, полный гардероб, последние модели телефонов, компьютеров — она всё это получала в той мере, в которой это её устраивало. Прислуга и воспитатели долго не задерживалась, никаких привязанностей ни к кому она не чувствовала. Знала только, что главное — это отец. Отец, как источник, батарейка, информация.

Свою красоту — отличную фигуру, длинные стройные ноги, густые русые волосы, зелёные кошачьи глаза, низкий сочный голос — воспринимала как данность, как обязательное приложение. Но это не мешало ей пользоваться своей внешностью так, как было нужно в данную минуту. Она отлично манипулировала мужчинами лет с пятнадцати. Удивительные придурки.

Секс? С кем? На такие вопросы она не отвечала. Если только без обязательств, ревности и выяснения отношений. Но секс не стал чем-то очень важным, ну, может быть, раз в неделю для развлечения, чтобы разогнать скуку. Оргазм? Ну, такое...

Она не собиралась никого любить, пытаться понравиться, она не умела ревновать конкурентов, потому что не испытывала чувств, ни плохих, ни хороших. Она подстраивалась под то, что принято, чтобы не казаться совсем уж ненормальной.

А она действительно была ненормальной.

Вероника узнала правду в восемнадцать, на первом курсе МГУ. Биофак она не выбирала, просто сделала то, что сказал отец.

Ей было всё равно, на какой факультет подавать документы. Училась она ровно и на отлично. Достаточно было прочитать текст один раз в спокойной обстановке, и она его запомнила навсегда. Европейские языки, английский и французский, дались очень легко, восточные её особо не интересовали, просто было лень.

Где-то через два месяца, как она начала учиться, отец прислал курьера с флешкой и коротким сообщением: *«Посмотри. Это важно»*.

На флешке был файл — расшифровка её генома. И три слова, которые она перечитывала десять раз, прежде чем они потеряли смысл: *«Прионная болезнь. Fatalinsomnia»*.

Фатальная семейная бессонница — редчайшее наследственное заболевание, при котором человек перестаёт спать.

Сначала — лёгкая бессонница, потом галлюцинации, потом полная потеря контроля над телом, потом смерть. Мозг медленно сворачивается в трубочку, как старая газета. Ни лечения, ни надежды. Всего несколько лет с момента первых симптомов.

Отец не извинялся. Он вообще никогда не извинялся. В его стиле было говорить факты.

«Я встроил прионный ген в твой геном, когда ты была эмбрионом. Эксперимент не удался. Пытаюсь найти решение. Живи пока».

Вот и всё. Она была его подопытной с самого начала. Не дочь — проект.

Вероника тогда впервые в жизни заплакала. Но не от жалости к себе. От злости. Её тело предало её раньше, чем она успела что-то с этим сделать. А какие планы она уже успела себе нарисовать!

Она не могла контролировать собственный мозг. Это было хуже, чем любое поражение.

На биофаке Веронику все боялись. Не потому, что она угрожала. Просто она была слишком идеальной: в белом халате с иголки, лабораторный журнал заполнен каллиграфическим почерком, ни одной ошибки в титровании, ни одной лишней фразы.

Преподаватели ставили её в пример, одноклассники ненавидели. Но Веронике было всё равно. Она не искала друзей, не заводила романов. Раз в месяц к ней домой приезжал мужчина в сером костюме — адвокат отца, передавал деньги и спрашивал: «Всё в порядке?». Она кивала.

Она училась не ради диплома. Она искала способ себя спасти.

В какой-то момент она наткнулась на статью об эмбриональной терапии. Если скорректировать геном до рождения — то есть создать эмбрион, идеально совместимый с её тканями, — из него можно вырастить «запасные части». Стволовые клетки. Нейроны. В теории — даже новый мозг.

Вероника ухватилась. Терять было нечего. Мораль не трогала, её просто не существовало.

Потом она вспомнила, что отец когда-то рассказывал ей об этом. Не как о науке — как о своём инструменте.

Но нужны были три вещи: здоровый донор яйцеклеток с идеальной совместимостью тканей, лаборатория, где можно сделать генное редактирование без лицензии, и репродуктолог, который не будет задавать вопросы. Ну, и четвёртая вещь, самая простая, — донор спермы. Этого добра было в достатке.

Первую задачу решил случай. В базе данных отцовской клиники она нашла женщину с редчайшим гаплотипом, который подходил под её иммунную систему. Идеальное совпадение. Радости не было предела. Она даже отметила, что инстинкт самосохранения у неё есть, и он заставляет её чувствовать, то есть бояться, дрожать, что угодно, но действовать.

Из всего спектра эмоций у меня остался только страх?— пришла она к непростому заключению.

Вторую вещь решали бывшие связи отца. У неё остались контакты — люди, готовые работать в подпольной лаборатории.

Третья была — Никита Стрельцов. Владелец элитной клиники ЭКО.

Началась подготовка.

Она записалась к Никите на приём как пациентка с «бесплодием неясного генеза».

— У меня есть вопрос, — говорю я, когда Евгений делает паузу.

Глава 14. Редчайший гаплотип

Наташа

Евгений промокает губы салфеткой и складывает приборы на пустой тарелке. Удивительно, он говорил около получаса, не переставая, и покончил с едой, а у меня тарелка почти нетронута. Я забыла о вкусных сардельках, проглотила только пару кусочков печёного красного перца и цукини.

Мне было точно не до еды, да и сейчас аппетита практически нет.

— Задавайте свой вопрос, — то ли улыбается, то ли ухмыляется Евгений.

— Вы сказали, что Вероника нашла женщину с редчайшим гаплотипом, который подходил под её иммунную систему... — говорю и боюсь своих собственных догадок. — Вам известно, кто эта женщина?

— Да. Мне известно.

— Эта женщина... она как-то связана с моим мужем?

— Вы правы, Наталья. Я не стал сразу говорить вам, потому что хотел, чтобы вы прониклись обстоятельствами. Чтобы вы поняли, насколько серьёзна ситуация, в которую вы попали.

— Эта женщина... — я уже вся дрожу, — это я?

— Да, это вы. Именно из-за вас она пришла к вашему мужу. Не исключено, что ей нужен хороший репродуктолог, но он не один такой на свете, а вот вы — очень редкий экземпляр. Простите, что так выразился.

— Евгений, повторите, пожалуйста, что ей от меня нужно. Я не врач, и эта информация мне не так уж просто даётся, простите.

— Веронике Бром нужны идеально совместимые стволовые клетки. Их можно получить только от эмбриона, созданного из генетического материала донора с редким HLA-типом. Идеальный донор — это вы, Наталья. У вас уникальный гаплотип. Она хочет украсть ваши яйцеклетки, создать эмбрион, вырастить из него донора тканей и спасти себя. Так понятнее.

Я вхожу в ступор. Смотрю на Евгения и ничего не могу произнести. Мне не страшно, мне никак. Я в тупике, потому что не понимаю, как я могу спастись.

— Как вы сказали? — наконец возвращаюсь я к реальности. — Она хочет украсть мои яйцеклетки?

— Да, именно так.

— И для этого ей нужен Никита, который их у меня украдёт?

— Да, для этого, скорее всего, ей и нужен ваш муж, — отвечает Евгений, уже понимая, что я еле живая и почти не справляюсь с эмоциями.

— А ему-то какое дело до болезни Вероники Бром? Ему-то зачем красть яйцеклетки у своей жены? Она его купила, что ли? — я не могу никак въехать, как Никита мог так поступить.

То есть как такое возможно, что он согласился украсть мои яйцеклетки. Из них же будет зачат эмбрион, а это мой ребёнок.

Эта больная тварь хочет украсть моего ребёнка и сделать его донором для себя самой? И он на такое согласился? Как? Кто он такой вообще? Человек, за которого я вышла замуж и с которым собиралась жить жизнь?

— Возможно, вы правы, она могла предложить ему такую сумму, что он забыл про совесть и про человечески облик. У каждого своя цена, в конце концов. Эту поговорку неслучайно придумали, — кивает мой собеседник, на которого я смотрю, как на свалившееся на меня откровение высших сил.

Если бы я не встретила с ним, я бы прозябала в неведении, а Никита вытворял бы со мной такие ужасные вещи.

— Евгений... мне очень непросто сейчас, простите, — бормочу я из последних сил.

— Постарайтесь успокоиться, Наташа. Мы же их опередили, а это уже шаг к победе. Теперь вы понимаете, почему я просил вас срочно приехать?

— Да. Не знаю даже, как вас благодарить. Вот что значит информация.

— Всё нормально. У меня тоже есть свои интересы в этом деле. Считайте, что мы временные союзники.

— А как же мне с ним себя вести? Он же не может меня физически заставить ехать в клинику и сдавать яйцеклетки? Это же не такая уж и простая процедура. Наркоз и всё такое. Может, мне уехать? А вдруг он меня усыпит и отвезёт сонную в операционную?

— Как считаете, он следит за вашим циклом?

— Не могу сказать, что следит, но внимание обращает. Скажем, у меня есть несколько дней до месячных, уж простите за подробности, Евгений, но вы же тоже врач, — извиняюсь я.

— Всё нормально. Эти дни он вряд ли вас потащит в клинику, но следите за тем, что он начнёт вам говорить. Наверняка сошлётся на что-нибудь интересное, новое, прорывное. Вы давно пытаетесь забеременеть?

— Мы пытаемся с ним уже около четырёх лет. Причём, он мне не даёт посмотреть на свои анализы. Ссылаясь на то, что он репродуктолог, а я всё равно ничего в анализах не понимаю. Меня-то проверили уже вдоль и поперёк. Врачи говорят, что у меня нет проблем.

— Скорее всего, проблема в нём, Наташа. А для него это удар по репутации. Он не может вам в этом признаться.

— Вы серьёзно? Никита бесплоден? - спрашиваю я то, что и так давно вертится на языке.

— Ну, это надо бы окончательно проверить, чтобы утверждать, сами понимаете. Возможно, у вас несовместимость, мало ли, но что-то мне подсказывает, что это его уязвимое место, куда и выстрелила...

— Вероника? — я не даю ему договорить, — она его шантажирует тем, что он бесплоден? Такое может быть?

— Всё может быть. Но это надо как-то проверить. Я подумаю.

— Евгений, мне надо от него уйти. Тем более, что мне кажется, он мне изменяет с Вероникой. Я же видела его машину у «Феникса» два дня подряд. Я это чувствую, как женщина.

— Я помогу вам, — решительно произносит Евгений. — Не из жалости. Из мести. Вероника убила моего друга. Того самого свидетеля, который хотел дать показания против её отца. Она не трогала его сама, но наняла людей. Я это доказал. Но не смог привлечь к суду.

— Вы хотите её уничтожить?

— Я хочу, чтобы она ответила за всё. И вы — мой шанс. Ваш муж — пешка. Если мы перетянем его на свою сторону, он может дать показания. Или вы можете собрать улики. Но для этого нужно действовать осторожно. И запомните, Наташа, — никаких анализов, никаких осмотров в клинике мужа. Никаких «плановых чекапов». Скажите, что заболели, что устали, что не хотите. Но не приходите туда.

— Я поняла.

— Соберите доказательства. Если у вас есть подозрения насчёт мужа и Вероники — документируйте. Фото, смс, записи.

Мы договариваемся о встрече завтра. В другом месте

Глава 15. Куда?

Наташа

В семь часов я слышу, как открывается входная дверь. Странно, сегодня без опозданий. Видимо, решили сделать перерыв, или у мадам появились срочные дела, которые она не могла отменить. Она же в многомиллионном бизнесе, а не просто какая-то симпатичная девушка.

Слышу, как Никита возится в прихожей, ставит портфель. Потом заходит на кухню, где я сижу с ромашкой и ноутбуком — доделываю презентацию для завтрашнего питча. Шуйский, хоть и добренький дядя, но бизнес бизнесом, и от моих обязанностей на работе меня никто не освобождал.

— Наташ, — Никита садится напротив, берёт меня за руку. — Нам надо поговорить.

Я поднимаю глаза. Он выглядит... заботливым. Таким, каким я его не видела очень давно. Взгляд мягкий, голос тихий. Ни следа той нервной суеты, которая появилась после знакомства с Вероникой.

— Я много думал, — продолжает он. — О нас. О ребёнке. Ты права, мы не можем больше тянуть. Я хочу начать подготовку к ЭКО.

Я молчу. Молчу и начинаю нервничать. Мне так хочется поверить в то, что нет никакой Вероники, что его мерседес никогда не стоял у служебного входа «Хеликса», но мало ли, что мне хочется, и какова реальность.

— Правда? — спрашиваю я осторожно.

— Правда. — Он сжимает мою ладонь. — Я люблю тебя, Наташ. И я хочу, чтобы у нас была семья. Полноценная. С детьми.

— Что именно ты предлагаешь? — пусть говорит. Позволю себе еще какое-то время побыть в иллюзиях.

— Первый шаг — диагностика. Я уже договорился с нашей лабораторией. Нужно сдать анализы в определённый день цикла, чтобы проверить овариальный резерв и гормональный фон. Это стандартная процедура.

— В какой день?

— На одиннадцатый-двенадцатый.

У меня внутри всё холодеет. Иллюзии развеялись в одно мгновение. Через две недели у меня будет овуляция. Я знаю свой цикл. И Никита знает. Я ему рассказывала сто раз.

— Хорошо, — говорю я. — Я подумаю.

Он наклоняется и целует меня в лоб. Как мило! Настоящий священник.

— Не думай, солнце. Просто доверься мне. Всё будет хорошо.

Поди ж ты! Доверься, Наташа. Он хочет только добра и семейного благополучия. Волк в овечьей шкуре. А что ты там делал, у Вероники, два вечера подряд, а мне лгал, что у тебя то одно, то другое? Хотелось бы тебе довериться, но поезду не просто ушёл, он уже очень далеко успел уехать, Никита. И это не моя вина.

Как бы там ни было, ужин я ему приготовила. Не готова ещё вставать на явную тропу войны. Сложно вот так вот всё перечеркнуть, не зная хотя бы примерно, что делать потом. Но секса не будет. Это точно. Одно дело играть и притворяться на кухне, а другое в спальне. Для меня, по крайней мере, это очень тяжело, практически неприемлемо.

— Очень вкусно, — нахваливает Никита мою рыбу, а я не могу на него смотреть. Так и хочется вернуть какую-нибудь колкость про Веронику.

Ухожу от греха подальше в гостиную.

— Ты куда? — возмущается Никита.

— Надо доделать презентацию. Много работы.

В ответ он помалкивает, он теперь не замечает ни мою работу, ни условного Шуйского. Не до этого.

Ночью он ко мне не пристаёт. Интерес, видимо, весь в «Фениксе» без остатка.

Лежу рядом и думаю, как муж становится мне чужим. Мне не просто не хочется дотрагиваться до него, я не могу спокойно на него смотреть. Я же должна его ревновать, а я хочу, чтобы его просто не было здесь, на моей кровати, так близко. Как будто он испачкан во что-то опасное, которое невозможно будет потом отмыть. Буквально неделю назад я жила в совершенно другом мире, я хотела от него ребёнка, а сейчас я начинаю ощущать его чужим, просто каким-то мужиком, с которым хочется поскорее попрощаться. Почему именно сегодня на меня это нашло? Как будто наконец докатилась какая-то волна прозрения.

Утром мне становится ещё хуже. Я не могу рядом с ним есть. Стою у окна.

— Ты что, сегодня позже на работу? — спрашивает Никита.

— Да, поеду на место презентации, проверю, как идёт монтаж оборудования, — за окном выглянуло солнце, — сегодня отличная летняя погода.

— Можем встретиться после работы. Посидеть где-нибудь на веранде поужинать, не хочешь? — такое впечатление, что он превосходит самого себя, уже не знает, как мне угодить.

Я не отвечаю. Мне хочется ему нагрубить и послать к чёртовой бабушке вместе с его лестью и стараниями.

Странно, но он не продолжает. Сказал, наверное, и сам испугался. Мне кажется, что он тоже выдерживает меня с трудом. Есть в его жестах какая-то искусственность. Он не похож на самого себя, он похож на человека, которому что-то надо, так сильно надо, что он готов достичь этого любой ценой.

Мне тоже надо, Никита! Ровно противоположное тому, что надо тебе.

Он наконец уходит. Я вижу в окне его отдаляющуюся чёрную машину и набираю Евгению. Рассказываю ему суть предложения, поступившего от «любящего и заботливого мужа».

Евгений сначала молчит, а потом выдаёт:

— Не смей туда идти. Это ловушка. В тот день он не будет брать анализы. Он будет забирать яйцеклетки. Под наркозом. Ты даже не поймёшь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю протоколы, Наталья. Забор ооцитов делают именно на одиннадцатый-двенадцатый день. Никита не дурак. Он выбрал идеальное время. Если ты туда приедешь — ты проснёшься с пустыми яичниками.

Я кладу трубку. Руки дрожат.

Мне нужен именно такой человек. Человек, который вот так способен меня встряхнуть.

Евгений совершенно прав. Я и без него это знала, но когда тебе говорят такое открытым текстом, становится совершенно очевидно, что надо бежать. Куда? Родители в другом городе, и не хочется их впутывать в эти разборки и заставлять нервничать. Подруги? Во-первых, Никита всех знает, а во-вторых, у меня, по сути, нет такого человека, который готов бы был бескорыстно меня принять, если только одна школьная подруга... Нет. Я её не видела лет семь-восемь. Как же мы одиноки в этих огромных городах!

Собираюсь на работу.

Глава 16. Она знает

Никита

Я сижу в кабинете и смотрю в одну точку. На столе — бумаги, которые я уже перечитал три раза и ничего не понял. Мысли не складываются. Они как мусор в водовороте: кружатся, сталкиваются, тонут.

Наташа. Она не хочет ехать в клинику. Я чувствую это каждой клеткой. Эти её «перенесём», «у меня питч», «давай в другой лаборатории». Она что-то знает. Или догадывается. Или кто-то ей подсказал. Подсказал? Кто это ещё? Надо бы как-то проследить круг её общения. А то я совсем отключился от того, как она живёт.

Я сжимаю ручку так, что она трещит.

Если бы я просто взял и...

Мысль приходит сама, но я её сразу отгоняю. Нельзя. Это безумие.

Но если она не едет добровольно?

Она не поедет. Я знаю. И тогда Вероника не получит своё. А если Вероника не получит своё, она расскажет Наташе про бесплодие. И про Кристину. И про всё остальное. Моя жизнь рассыплется за один день.

Ударить по голове. Тихо, аккуратно, чтобы не сильно. Она потеряет сознание. Я скажу, что ей стало плохо — как в прошлый раз, только теперь по-настоящему. Привезу в клинику. Сделаю забор. Она ничего не вспомнит. Анализы покажут, что я брал яйцеклетки. Но я подпишу поддельными анализами и спишу их на донора.

Я закрываю глаза. Передо мной — её лицо. Наташа. Доверчивое, испуганное, не понимающее, почему муж вдруг стал таким.

Ты с ума сошёл, Никита. Ты не можешь ударить жену. Ты не можешь её обмануть. Ты не можешь...

Но я уже обманываю. Четыре года.

Я встаю, иду к окну. Сегодняшнее чистое московское небо выглядит каким-то укором. Пятый этаж. Внизу — машины, люди, жизнь. Моя жизнь превратилась в ад.

А что, если она придёт в себя во время операции? Что, если закричит? Что, если расскажет?

Я чувствую, как по спине течёт пот. Руки дрожат. Я смотрю на свои пальцы и не узнаю их. Это руки убийцы? Нет, я не убивал. Я только... подумал. Это ещё ничего не значит.

Но мысль уже здесь. И она не уходит.

В дверь стучат.

— Да, — хрипло говорю я.

Входит правдолюбка Смолина, строгая, с глазами, которые всё видят. Она работает в клинике с самого начала. И она знала Кристину. И довольно близко.

— Никита Леонидович, можно на минуту?

— Конечно, Елена Павловна, — я сажусь обратно в кресло, стараясь выглядеть спокойным.

Она прикрывает дверь и подходит ближе.

— У меня печальная новость. Кристина Григорьева, наша бывшая медсестра, вчера умерла. Сердечный приступ в метро. Врачи не смогли её спасти. Мне позвонила её сестра.

Я смотрю на неё. Не знаю, что изображать. Не готов. Не так-то просто, оказывается. Не потому, что я не знал, что так и будет. Я знал. Я собственноручно это сделал. Но сейчас я должен сыграть.

— Какая сестра? У Кристины есть сестра? — спрашиваю я, и мой голос звучит ровно. Слишком ровно.

— Да, старшая сестра, — Смолина смотрит на меня в упор. — Вы не слышали? Ей было всего тридцать два. Вы могли бы помочь с похоронами?

— Я? С какой стати? — говорю я. Вырвалось. И тут же понимаю: надо добавить эмоций. — Ужасно. Соболезную.

Она молчит. Смотрит. Её взгляд — как рентген.

— Вы с ней работали несколько лет, — замечает она. — Действуйте так, как вам позволяет совесть. Сестра сказала, что вы были последним, кто её видел живой.

— Откуда вы это взяли?

— Кристина успела ей позвонить из метро прежде, чем начался приступ.

Какая ещё сестра? Первый раз слышу. Эта замухрышка, наверное, всё рассказывала про нас. Не удивлюсь, что они обе придумали план, чтобы Кристина смогла от меня забеременеть. Я краем глаза видел один раз, как она сплюнула мою сперму после минета в пластиковый стаканчик и быстро задвинула его куда-то там подальше. Я не придавал этому значения, идиот, посмеивался, а она вынашивала планы. И эта старшая сестра, наверное, ещё и учила её, что делать. Сучка!

— Мы работали, — перебиваю я. — Но потом она уволилась. У нас были сугубо профессиональные отношения, — не то говорю. Никак не могу взять себя в руки.

— Понятно, — Петухова кивает. — Просто я знала, что вы были ... Некоторые говорили...

— Сплетни, — я улыбаюсь, но улыбка выходит кривой. — В клинике всегда много сплетен. Вы же знаете. Идите и работайте, Елена Павловна. И повежливее с пациентами.

— Её зовут Светлана. Она может рассчитывать на вашу поддержку, я не поняла? Гроб с телом надо отвезти в Краснодар к родителям.

Как же я хочу заткнуть её поганый болтливый рот, вышвырнуть её вон, уволить, но я не могу её уволить. От этой бабы будет много шума и проблем, она не сглотнёт, как Кристина.

— Слушайте, Елена Павловна, я не против помочь родственнице нашей бывшей коллеги. Предлагаю собрать с каждого сотрудника клиники по тысяче.

— Этой суммы недостаточно, Никита Леонидович, и потом...

— Что потом? — я срываюсь на её прямолинейность и повышаю тон, почти ору.

— Простите, но я уже сказала всё, что хотела. Вот номер банковской карточки Светланы. Дальше, как сочтёте нужным.

— Не забывайте, Елена Павловна! — я никак не могу успокоиться.

Она выходит из кабинета, а я едва сдерживаюсь, чтобы не запулить по двери справочником, который лежит у меня на столе, как только эта дверь закрывается.

Остаюсь один.

Она знает. И не только она. Они все знают про меня и Кристину. И теперь они смотрят на меня, ожидая реакции.

А я не реагирую. Потому что внутри — пустота. Я убил её. И не чувствую ничего, кроме страха. Страх, что кто-то узнает. Грызёт прямо. Мерзкое чувство.

Но никто не узнает. Препарат не оставляет следов. Сердце было слабое, это всем известно, она не раз жаловалась и отлёживалась. Всё естественно.

Никто не узнает.

Я повторяю это как мантру.

Вечером в машине пытаюсь дозвониться до Вероники. Третий звонок, четвёртый. Сбрасывает.

Пишу: «Наташа не едет. Что делать?»

Ответа нет.

Через час: «Мне нужно с тобой встретиться. Срочно».

Тишина.

Она игнорирует. Она меня бросила? Нет, ей нужны яйцеклетки. Она не может меня бросить. Но она молчит. И это хуже всего.

Что делать с этой Светланой? Нервы. Надо было разыграть печаль и отправить деньги сразу. А я полез на рожон, да ещё со Смолиной. Перевожу семьдесят тысяч. Хватит с них всех. Увы, это ничего не меняет.

«Очень сожалею и соболезную. Держитесь, Светлана. Готов был посильно помочь. Стрельцов.» — пишу коммент.

Бросаю телефон на пассажирское сиденье. Сажу в машине у своего дома. Домой не хочется. Там Наташа. Она будет пить свою ромашку, смотреть на меня с подозрением, задавать вопросы. А я не смогу врать. Или смогу? Я уже не знаю.

Завтра снова попробую уговорить её. Если не получится — будет другой план. Тот, который я придумал сегодня. Тот, от которого мне страшно.

Я выхожу из машины, иду в подъезд. Лифт. Коридор. Ключ в замке.

Наташа на кухне. Ромашка. Ноутбук. Она поднимает голову:

— Ты поздно.

— Устал, — говорю я.

Что я ещё могу ей сказать? Глаза бы мои никого не видели, и её в том числе.

Прохожу на кухню, пью воду, беру в рот пару черешен со стола.

— Тело всё гудит. Я спать.

Она не спорит. Через некоторое время она приходит в спальню, ложится на кровать. Я смотрю в потолок и думаю: как я дошёл до этого? Когда я стал тем, кто бьёт жён? Пока не бьёт. Но уже думает об этом.

Ещё и тем, кто колит бывшим любовницам яд. Это вступает какой-то другой голос, не мой. Вводит смертельный яд и считает, что всё нормально. И никто ничего не заметит, а значит, я никакой не убийца. Вот ещё глупости. Какой я убийца? Я врач.

Мне страшно. Не за себя. За того человека, которым я становлюсь.

И я ничего не могу с этим сделать.

Глава 17. Тунец

Наташа

Утром я делаю вид, что адски спешу, потому что не хочу с ним разговаривать. Как мы будем жить дальше в таком настроении, не имею понятия. С каждым днём напряжение растёт. Я быстро глотаю кофе в прикуску с бутером.

— Доброе утро, дорогая, — вползает полу сонный Никита, босой и в одних трусах, — куда это ты в такую рань? Шуйский вызывает на срочное совещание?

— Никита, перестань разговаривать со мной в таком тоне.

— О! Большой ему привет. Прости, солнце. Как ты себя чувствуешь. Выглядишь не очень. Бледность, синяки под глазами. Смотри давай, а то попила бы какие витамины. Я же тебе приносил банку мультивитаминов не так давно. Ты её уже выпила?

— Ты что-то путаешь, я не помню, чтобы ты приносил мне банку витаминов. Куда ты её поставил? — я реально не помню никаких витаминов.

— Я отдал её тебе. У тебя что, провалы в памяти?

— Или у тебя, — демонстративно допиваю кофе, встаю и ставлю чашку в раковину, — а вот что я забыла, точнее, не успела тебе сказать, что меня посылают в командировку в Сочи на открытие пятизвёздочного отеля, они наши потенциальные заказчики.

— Скажите, пожалуйста! — он явно недоволен, — что, без тебя никак?

— Это моя работа, Никита! Почему я должна отказываться? Так что диагностику придётся перенести на месяц, — собираю я все силы, которые есть, чтобы это произнести. Мне трудно это даётся. — Я не смогу в эти дни здесь быть, мне надо в Сочи, — придумываю на ходу, потому что единственное, чего я хочу — это уехать от него подальше. Куда угодно. Пусть на время, но мне надо успокоиться. Я уже физически не могу его переносить. Я уверена в том, что он мне изменяет.

— Какой ещё Сочи? Ты шутишь? — тарашит Никита на меня глаза.

Он моргает. Улыбка сползает с лица.

— Наташ, это серьёзно. Мы же договаривались.

— Я не отказываюсь. Просто переношу. На месяц позже. Что тут такого? Два дня назад ты говорил про то, что мы займёмся ребёнком через год, потому что у тебя открытие новой клиники. Верно?

— Нельзя позже. Есть окно, — он начинает нервничать и меня не слышит. — Ты что, не понимаешь? Диагностику надо делать строго в определённый день!

— Тогда давай я сдам анализы в другой лаборатории. Я сама схожу, без тебя.

— Где? В Сочи? Ты в своём уме?

Он встаёт, отодвигает стул.

— Ты мне не доверяешь?

— Я доверяю. Но хочу, чтобы результаты были объективными.

— В моей клинике объективность гарантирована! — уже почти кричит он.

— Тогда почему ты боишься другой лаборатории?

— Потому что это лишняя трата времени и денег! — он сжимает кулаки. — Наташ, прекрати. Ты ведёшь себя как ребёнок.

— Как ребёнок? — я тоже встаю. — Я просто хочу быть уверена, что мы всё делаем правильно.

— Ты не доверяешь мне!

— А ты даёшь мне повод? — смотрю ему прямо в глаза.

Он замирает. Потом отворачивается, идёт к окну. Спина напряжена, плечи подняты.

— Прости, — говорит он наконец. — Я сорвался. Просто переживаю. Давай перенесём.

— Хорошо, — киваю я, — прости, но позавтракаешь без меня. Всё на столе. Убери только сыр и масло потом в холодильник.

Делаю вид, что успокоилась. Иду в прихожую, проверяю, всё ли в сумке, обуваюсь.

Он не произносит ни звука, как будто в отключке. Что с ним? Даже не выходит меня проводить. Это вообще не тот человек, с которым я прожила более четырёх лет в браке. Я его не узнаю.

Вылетаю пулей из собственной квартиры. Бегом к машине. Вдруг он опомнится и схватит меня?

В обеденный перерыв встречаюсь с Евгением. Он сам попросил о встрече, сказал, что есть кое-какие новости. Подъехал к моему офису. Сидим в дорогом ресторане, чтобы случайно не встретить никого из коллег. Сюда они точно не сунутся без повода.

Евгений вызывает меня накормить. Замечаю, что он широкая натура, и не потому, что не даёт мне платить, я просто это чувствую.

— Стейк из тунца будешь? С южными помидорами?

— С удовольствием, - киваю я, — так что я придумала командировку, — заканчиваю свой рассказ про сегодняшнее утро. — Шуйскому уже сказала. У него для меня и дистанционной работы навалом.

— Пока я не вижу фактов, Наташа. Ты нашла что-нибудь, что может подтвердить их связь? И что будет после того, как кончится командировка? Так и будешь от него бегать в определённые дни?

— Я его боюсь. Он может подсыпать мне какой-нибудь препарат и отвезти в свою клинику «приходить в себя». Сам понимаешь зачем. Спасибо тебе большое, что просветил.

— Удивлён, что ты сама этого не знала, — подмигивает Евгений.

— Вроде, знала. Да как-то... Я бы подала на развод, но у меня действительно нет никаких доказательств, что он мне изменяет.

— Тут дело не только в измене, — Евгений пододвигает ко мне телефон. — Смотри. Я за этим тебя позвал.

На экране — фотография. Бумажный лист, на нём — результаты анализов. Фамилия Стрельцов, имя Никита Леонидович. Диагноз: AZFc-микроделеция. Заключение: бесплодие. Спермограмма: азооспермия.

Я смотрю на экран и не могу отвести глаз. Четыре года. Четыре года я винила себя, мучала себя вопросами: что не так с моим организмом, почему я не могу забеременеть. Пропила тонны таблеток, которые он мне подсовывал. А он знал. Знал с самого начала.

— Откуда это у тебя? — спокойно спрашиваю я. Сама удивляюсь своему спокойствию. Внутренне начинаю готовиться к самым неожиданным вещам. И они, судя по всему, происходят.

Евгений забирает телефон, прячет в карман.

— Неважно. Важно, что это правда.

— Евгений, если я пойду с этим в суд, мне придётся объяснить, откуда у меня эти бумаги. Информатор пострадает. А я не хочу подставлять людей, которые мне помогают.

Он смотрит на меня долго, изучает. Потом кивает.

— Ладно. Я придумал, как это можно легализовать. Даже три варианта. Но сначала — давай поедим. Стейк стынет.

Я смотрю на тунца, помидоры, рукколу. Есть не хочется, но я делаю над собой усилие. Надо. Силы понадобятся.

— Я слушаю, — говорю я, жуя без вкуса.

Он откладывает рыбный нож, вытирает губы салфеткой.

— Первый вариант. Самый чистый, но долгий. Ты подаёшь на развод по статье «медицинская тайна, раскрытая ненадлежащим лицом». Для этого тебе нужно заявить в полицию,

что кто-то из сотрудников клиники мужа слил тебе его анализы. Дело заведут, начнут проверку. В ходе проверки «всплывёт», что анализы настоящие. Никита попадёт под следствие за нарушение врачебной этики и, возможно, за мошенничество. Клиника пострадает. Но этот путь займёт месяцы.

— Второй вариант? — мне совсем не нравится такой расклад. Мне кажется он заведомо проигрышным.

— Второй. Ты сама сдаёшь анализ на наличие генетических заболеваний в независимой лаборатории. Заодно попросишь их проверить все возможные маркеры мужского бесплодия. Когда получишь результаты — а они покажут, что ты здорова, — идёшь к адвокату и говоришь, что подозреваешь мужа в сокрытии диагноза. Адвокат направляет официальный запрос в клинику Никиты. Те обязаны предоставить данные. Если откажутся — это уже уголовщина. Хороший адвокат должен с этим справиться.

Я киваю. Логично. Но долго.

— Третий вариант — самый быстрый, но требует смелости, — Евгений наклоняется ближе. — Идёшь к Никите и говоришь, что узнала правду. Но не говоришь откуда. И даёшь ему ультиматум: либо он подписывает бумаги о разводе с твоими условиями, либо ты подаёшь в суд. Если он не дурак, он согласится. Потому что суд — это публичность, потеря репутации, клиники, денег. Он этого не переживёт.

— А если он откажется? — спрашиваю я. — Если скажет, что я шантажирую его, и сам подаст на меня?

— Не подаст. Потому что он виноват. И он знает, что виноват. А главное — он трус, Наталья. Я таких видел десятками. Они сильные, пока держат всё под контролем. Как только контроль уходит — рассыпаются.

Я молчу. Перевариваю.

— Евгений, — говорю я тихо. — Спасибо тебе. За всё.

— Не надо меня благодарить, — он усмехается. — Я делаю это не ради тебя. Вернее, не только ради тебя. Вероника должна ответить. И Никита тоже. А ты — инструмент. Я понимаю, звучит цинично. Но честно.

— Я предпочитаю честность, — киваю я. — Даже горькую.

Он поднимает бокал с минералкой. Я — свой.

— За правду, — говорит он.

— За правду, — отвечаю я.

Пью. Вкуса не чувствую. Только горечь.

Мы выходим из ресторана. Евгений провожает меня до машины.

— Будь осторожна, — говорит он. — Если он узнает, что ты копаешь, — неизвестно, на что он пойдёт.

— Я знаю, — отвечаю я. — Я уже поняла, что он не тот, за кого себя выдаёт.

Сажусь в машину. Смотрю на свои руки. Они не дрожат. Пора делать маникюр. Заеду после работы. Домой всё равно неохота.

Раньше я боялась. Боялась, что останусь одна, что не смогу родить, что муж меня разлюбит. Теперь я знаю: он меня никогда и не любил. Он любил себя, свой комфорт, свою репутацию. А я была просто фоном. Фоном, который должен был родить ему ребёнка и не задавать лишних вопросов.

Я завожу машину. Еду домой.

В голове уже созревает план.

— Игорь, я не приду сегодня. Я уезжаю. Придумай мне командировку, хоть за мой счёт. Давай я слетаю в Сочи, прямо сейчас, потусуюсь там где-нибудь, поищу клиентов, — несую какой-то вздор.

— Ты , конечно, обнаглела, уже дальше некуда со своей личной драмой, но кстати, там есть один новый отель, кажется, «Птица» называется. Управляющий Пашка Воронцов меня сто раз приглашал подумать кое-то по одному юбилею в сентябре. Я ему сейчас позвоню. Контакты пришлю. Ты как?

— Я? Да я готова. Напиши, что тебя интересует, всё сделаю. Билеты я сама куплю, а с отелем напиши тогда. Ты суперский, Шуйский. Мне много не надо, маленькую комнатуршку какую-нибудь, хоть бельевую.

— Да ладно тебе. Всё организую. Ты же мой зам. На связи, короче.

Как же мне свезло! Лечу домой побыстрее собрать тележку со шмотками и успеть до того времени, пока Никита не пришёл с работы. Вдруг явится сегодня в шесть часов.

И всё же, откуда у Евгения эта информация про фертильность Никиты?

Глава 18. Сумка

Никита

Я почти не в состоянии работать. Всё валится из рук.

Вероника молчит второй день. Я звонил ей раз десять — сначала сбрасывала, потом вообще перестала отвечать. На смс — тишина. Она меня игнорирует. Как будто я отработанный материал. Как будто то, что было между нами, ничего не значит.

А для неё, наверное, и не значит.

Я не выдерживаю. Встаю, иду в туалет при кабинете. Там есть душ, раковина, зеркало во всю стену. Закрываю дверь на ключ.

Прислоняюсь лбом к холодной плитке. Закрываю глаза. Передо мной — она. Вероника. Её губы, её запах, её голос, который шепчет: «Ты смешной». Она меня уничтожает, а я хочу её ещё больше. Это болезнь. Это наркотик. Я всегда мечтал о такой.

Расстёгиваю брюки. Дыхание сбивается, становится шумным, тяжёлым. Скулю, как пёс, зажимая рот рукой, чтобы никто не услышал. Мысленно я не в этом тесном туалете — я там, в её спальне, на её простынях, вдыхаю запах её кожи, слышу её низкий голос, который командует.

— Вероника... — шепчу я, почти беззвучно.

Кончаю быстро, с каким-то болезненным, рваным стоном. Плечо ударяется о стену кафеля — больно, но это даже приятно. Некоторое время стою, пытаюсь отдышаться, потом наконец открываю глаза.

В зеркале — чужой человек. Растрёпанный, с безумными глазами. Я не узнаю себя. Это не Никита Стрельцов, успешный репродуктолог, любимец пациенток. Это какой-то наркоман, попавший в зависимость от женщины-яда.

Привожу себя в порядок. Выхожу из туалета, наливаю воды из кулера. Пью большими глотками, почти задыхаясь. Легче не стало. Только стыдно перед самим собой. Как в юности, когда поймали за этим занятием в школьном туалете и рассказали всему классу.

Стыд смешивается со злостью.

Почему она не отвечает? Что я сделал не так? Я же всё делаю. Я готов украсть яйцеклетки собственной жены. Я готов убить, в конце концов. Я уже убил... Разве этого мало?

Ей мало. Ей всегда будет мало.

— Никита Леонидович, — слышу я голос секретаря по внутренней связи. — К вам посетитель. Говорит, что по срочному личному делу.

Она приехала? Она приехала. Господи! Я не могу в это поверить. Я не выпущу её. Она моя.

— Пропустите.

Дверь открывается, и в кабинет заходит увядшая, некрасивая женщина, лет сорока пяти-пятидесяти, крепкого телосложения, с очень короткой стрижкой и в очках. В руках большая, но уже потрёпанная кожаная сумка.

Я не успеваю открыть рот, как она уже садится на стул для пациентов и ставит эту свою огромную сумку на колени. Смотрит на меня в упор. Глаза — спокойные, цепкие, усталые. Такие глаза бывают у людей, которые много считали чужие деньги и знают цену каждой копейке. Наверняка бухгалтер.

— Здравствуйте, Никита Леонидович, — голос низкий, вполне уверенный. — Я — сестра Кристины Светлана.

Не было печали, черти накачали.

— Здравствуйте, — киваю я, стараясь изобразить участие. — Я уже перевёл семьдесят тысяч. Надеюсь, этого хватит на...

— Я не за тем пришла, — перебивает она.

Достаёт папку. Кладёт на край стола. Не толстую, но и не тонкую.

— Семьдесят тысяч вы можете забрать обратно. Мне не нужны подачки.

Я молчу. Не понимаю. Смотрю на папку. Что там? Фотографии? Записи? Её лицо ничего не выражает. Как у следователя, который знает ответы на все вопросы, но хочет, чтобы вы догадались сами.

— Что вы хотите? — спрашиваю я наконец.

— Справедливости.

Она открывает папку. Достаёт листы. Кладёт на стол один за другим.

— Это записи разговоров Кристины с вами. Она расшифровала. Вот здесь вы обсуждаете, как «потеряли» эмбрионы пациенток. Вот здесь — как угрожаете ей, если она расскажет про ваши отношения. А это — анализы. Ваши анализы. Диагноз — бесплодие. AZFc-микроделеция. — Она поднимает на меня глаза. — Вы знали, что Кристина вела дневник? Она записывала всё. Даты, суммы, ваши обещания. И ваши угрозы. Методично. Как бухгалтер. Я её научила.

У меня пересыхает во рту. Все сошли с ума. Она дожётся, что отправится вслед за своей сестрой на тот свет.

— Зачем вам это? — сиплю я. — Что вы хотите?

— Я хочу, чтобы моя племянница жила в нормальных условиях. — Светлана скрещивает пальцы. — У Кристины есть дочь. Ваша дочь, Никита Леонидович. Девочке почти год. Она живёт в Краснодаре у наших родителей. У неё нет ничего. Родители — обычные люди, не богаты. Кристина копила, но не успела.

Молчу. Мысли разбегаются. Какой ещё ребёнок? Чей? Мой? У меня не может быть детей. Сумасшедшая. Сама же принесла мои анализы, где написан диагноз.

Но где-то в самой глубине я слышу собственный слабый голос: у тебя не AZFa делеция и не AZFb, где шансов нет вообще, у тебя AZFc-микроделеция. У тебя есть сперматозотды, но их очень мало. Ничтожно мало, но они существуют. У тебя есть шанс стать отцом, если сделать инъекцию хотя бы с одним живым сперматозоидом в яйцеклетку. Но я этого боюсь, потому что может и не получиться, и всё раскроется. Нет! Но как же так? Как Кристина смогла забеременеть? Один случай на миллион?

Девочка? Хорошо, что девочка. Если бы мальчик, то он бы получил сто процентную наследственность...

О чём это я?

— Вы слышите меня, Никита Леонидович? — спрашивает Светлана.

— Вы хотите денег?

— Я хочу, чтобы вы купили вашему ребёнку квартиру в Москве и положили хотя бы десять миллионов на счёт, — она называет сумму так, будто речь идёт о чаевых в ресторане. — Не миллиард, не сто миллионов. Десять. Для вас это не деньги. Я смотрела отчёты вашей клиники. Вы зарабатываете в месяц больше.

— А если я откажусь? — голос хриплый, чужой.

— Тогда я пойду в полицию. И в суд. И к журналистам. — Она кивает на папку. — У меня есть всё. И дочь. Ваша дочь. Вы не сможете от неё отказаться, когда ДНК-тест покажет правду. У Кристины больше не было мужчин.

Ещё бы. Кому вообще она нужна, эта Кристина, серая мышь? Болталась у меня под ногами и стелилась.

— Вы блефуете, — тихо говорю я. — Кристина не могла иметь детей. У неё было большое сердце, она принимала...

— Принимала, — перебивает она. — Это не помешало. Ребёнок родился здоровым. Сердце не репродуктивный орган. Вы хотите посмотреть документы?

Она протягивает мне лист. Я не беру.

— Вы думали, что всё обойдётся, да? — она убирает лист обратно. — Думали, что Кристина сдохнет, и никто ничего не узнает. Но она рассказала мне всё. Про ваши угрозы. Про то, как вы её уволили. Про то, что теоретически вы не можете иметь детей. И про то, что вы её боитесь. А теперь вы должны бояться меня.

Я смотрю на неё. Обычная женщина, бухгалтер. В очках. С потрёпанной сумкой. Ничего особенного. Но в её глазах — сталь. Такая бывает у людей, которые пойдут до конца. Или у тех, кто готов убивать ради своей семьи.

— Десять миллионов, — повторяет она. — У вас неделя. Я позвоню.

Она встаёт, забирает папку. Идёт к двери.

— Светлана, — окликаю я.

Она оборачивается.

— Кристина... она что-нибудь говорила про меня в тот вечер? Когда позвонила?

Светлана смотрит на меня долго. Потом говорит:

— Она сказала: «Свет, если со мной что-то случится, это он». Я не знаю, что она имела в виду. Но теперь я начинаю догадываться.

Дверь закрывается.

Наглая. Догадывается она.

Я сижу один в кабинете. Смотрю на пустой стул. На то место, где лежала папка. На свои руки, которые лежат на столе.

Десять миллионов. Не так много. Я могу их отдать. Но это только начало. Если я заплачу сейчас, она захочет ещё. Такие не останавливаются. А если не заплачу — она пойдёт к Наташе. Тогда всё рухнет. Клиника, брак, репутация. И дочь. У меня есть дочь. Я даже не знал. Почему я не спросил, как они её назвали?

Наташе вот не повезло.

Кристина. Тихое, незаметное ничтожество. Собирала компромат. Всё записывала. Методично. Под руководством старшей сестры.

Я как-то подарил ей золотую цепочку с маленьким бриллиантом-бегунком. Она поблагодарила, но я видел по её глазам, как ей хотелось, чтобы этот бриллиант был в один карат, а не какой-то там бегунок с малюсеньким вкраплением в середине. Больше я ей ничего не дарил.

Смотрю в окно. Лето, которое я не чувствую.

Светлана опаснее Кристины. Она не отступит.

Наташа. Вероника. Светлана. Три женщины. Каждая тянет меня в свою сторону. И каждая может меня уничтожить.

Я закрываю глаза и шепчу:

— Что мне делать?

Ответа нет. Только тишина. И страх.

Глава19. Подруга

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.